

Помнишь, как шел
Ошалелый паяц
Перед шеренгой
На аппельплац?
Тум-балалайка,
Шпиль, балалайка,
В газовой камере -
Мертвые в пляс.

ТУМ

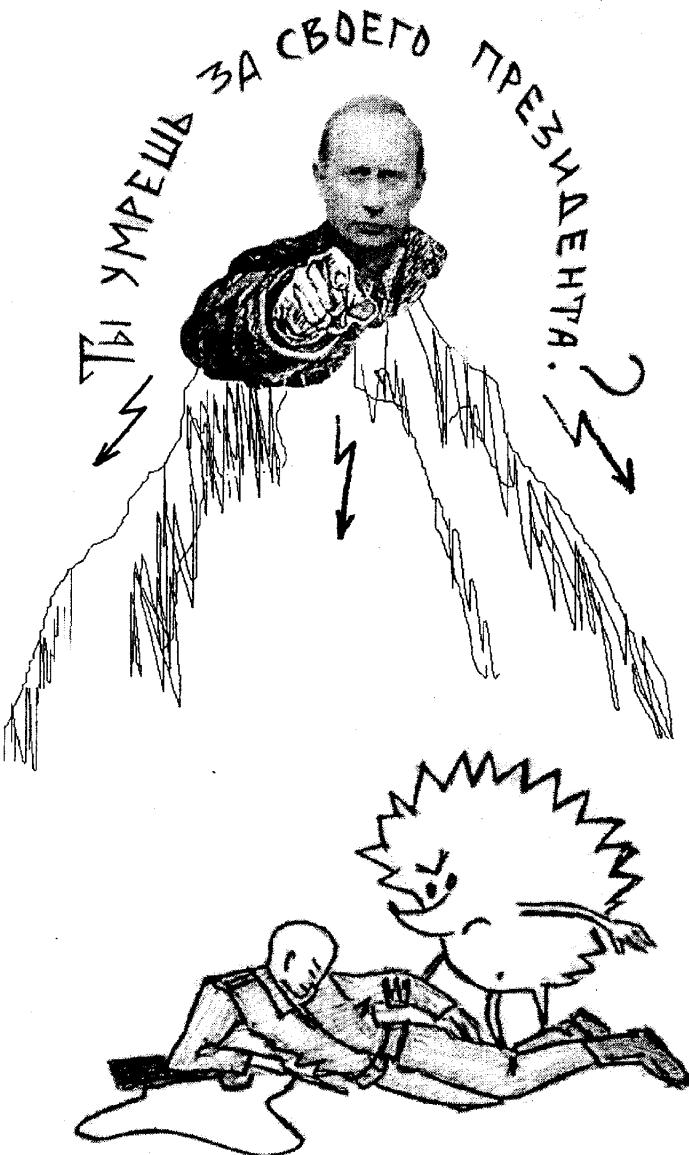
антифашистская газета
вольных ежей

январь-март 2000 г.

N 14

Позже, друзья, позже,
Кончим навек с болью,
Пой же, труба, пой же!
Пой и зови к бою!
... Пой, труба, не чуди
коленцами,
Пой, труба, чтобы сила
крепла,
И чтоб встали мы, как
в Освенциме,
Взявшись за руки -
среди пепла!

А. Галич

Бросай
ружье -
пошли домой!

В номере:

Демократия и антифашизм	c. 2-4
Ответ московскому Матиду	c. 4-5
Анархизм как защита демократии	c. 6-7
Слово в защиту либерализма	c. 7-8
Коммунисты и антифашисты — союзники или оппоненты?	c. 8-9
Американская история Икс (о «неправильном антифашизме»)	c. 10-11
Черная Америка — белый расизм (Мумия Абу Джамал: 17 лет в ожидании смертной казни)	c. 12
Неволя и не-предел	c. 12-13
Время интернационализма?	c. 14-17
Хемингуэй — 100 лет	c. 18-19
Чеченская правда по материалам организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга»	c. 20-23
Из истории Сопротивления Еврейское сопротивление	c. 23-25
киноревю «Свой» среди чужих	c. 26-28
Антифашистская хроника Антифашистская конференция	c. 28-29
Язык ненависти и прессы	c. 29
Заметка об одной выставке	c. 30
Книжкино ревю	c. 30-31
Уроки эсперанто с юмором	c. 31
Переписка	c. 32

ДЕМОКРАТИЯ И АНТИФАШИЗМ

Нижеследующее сочинение Михаила Магида приводится на правах исключительно длинной цитаты (поэтому материал дается в кавычках). Отступая от наших традиций, мы публикуем чужое мнение на первых страницах газеты, а не в разделе «Переписка», потому что данная точка зрения показалась нам подходящей для того, чтобы открыть дискуссию на интересующие нас все темы: антифашизм, демократия и иные реальные альтернативы фашизму. Хотя авторы «Тум-балалайки» во многом не согласны с мыслями и принципами, изложенными Михаилом Магидом, все же высказанное им мнение представляется нам важным и интересным, тем более что его, возможно, разделяют и другие наши читатели. Отвечая М. Магиду, мы определяем нашу позицию и, предлагая новые ответы, ставим новые вопросы.

«Сегодня среди различных левых групп антифашизм — одна из самых модных тем. Конечно, деятельность, ставящая своей целью привлечение внимания общественности к проблеме роста ультраправого влияния, является важной, как и исследование причин возникновения фашизма. Беда в том, что, как мне кажется, суть явления нашими антифашистами изучена слабо, а то, что они предлагают в качестве альтернативы, вызывает серьезные вопросы. Многие антифашисты и в нашей стране, и на Западе полагают, что в борьбе с фашизмом следует опираться на либерально-демократические или социал-демократические традиции. Попробуем разобраться. Нужно ли защищать демократию как «меньшее зло» по сравнению с фашизмом?

Среди всех наших автономных и антифашистских изданий «Тум-балалайка», несомненно, одно из самых привлекательных. Идеология этого издания представляет собой смесь автономного антифашизма и либерально-правозащитных идей. Отсюда бросающаяся в глаза идейная неоднородность. Но в журнале привлекает высокий профессиональный уровень, материалы «Тум-балалайки» интересно читать. А соглашаться с ними никто не заставляет. Тем не менее хотелось бы сказать несколько слов по сути этих публикаций.

В статье «Субкультуры, фашизм и антифашизм» («Тум-балалайка» № 9) подробно рассматриваются условия формирования различных молодежных субкультур в городе Роттердаме и влияние на них фашизма и антифашизма. В качестве примера успешной антифашистской деятельности приводится антирасистская агитация в среде футбольных фанатов, приведшая в итоге к принятию ими антирасистской символики и к изгнанию других футбольных фанатов — расистов. Что же, можно только радоваться тому, что фашистам где-то врезали. Однако остается множество вопросов. Например, такой. Футбольные фаны, став антирасистами, не перестали быть футбольными фанами. Они по-прежнему готовы броситься в драку с теми, кому не нравится их клуб или футбол вообще. Между тем массовые футбольные истерики, провоцирующие человека на агрессию, превращающие его в стадное существо, одержимое культом лидеров, являются органической частью «общества зрелиц». Это своего рода суррогат общественного движения, способ выпускания пара, накопившихся негативных эмоций. Но, кажется, ни роттердамских антирасистов, ни авторов статьи данное обстоятельство попросту не интересует. Главное, что набили морду фашистам. Трудно признать такой подход правильным. В конце концов, что толку в замене одних эмблем другими, если по сути ничего не меняется? Налицо и чисто позитивистский взгляд на вещи: общественное явление исследуется поверхностно, исключительно фактологически, и никто не пытается разобраться в причинах, его порождающих.

Грустно наблюдать, как редакция «Тум-балалайки» заигрывает с либерально-демократической идеологией. Например, в статье, посвященной сквотерам (№ 10), подчеркивается, что

редакция журнала «осуждает нападения на частную собственность». Подобного рода замечания в изобилии рассыпаны по страницам издания. Демократия, основанная на либеральном праве, говорят антифашисты, это меньшее зло по сравнению с фашизмом, поэтому ее следует защищать.

Проблема, однако, не в том, что демократия гарантирует (впрочем, далеко не всегда) более мягкое давление, нежели диктатура; любой бы предпочел подвергнуться эксплуатации по-шведски, нежели исчезнуть при режиме Пиночета. Но есть ли у него выбор? Даже нежная скандинавская демократия превратится в диктатуру, если того потребуют обстоятельства. У государства может быть лишь одно назначение, которое оно и осуществляет демократическим или диктаторским способом. То, что первый из двух названных менее жесток, вовсе не означает, что государство можно перестроить так, чтобы обходиться без последнего. Формы капитализма не больше зависят от предпочтений наемных работников, чем от целей буржуазии. Веймарская республика капитулировала перед Гитлером с распростертыми объятиями, когда это стало выгодно правящим классам.

Демократическое государство, так же как и тоталитарный режим, — это всего лишь механизм, используемый олигархией и бюрократией в определенное время ради достижения определенных целей. Представительная демократия — это не самоуправление, ведь ее механизм не предусматривает ни принятия основных решений общими собраниями обычных людей, ни права прямого отзыва представителей в любой момент, по желанию избирателей, ни императивного мандата (то есть прямого наказа, обязательного для исполнения делегатом общего собрания). Представительная демократия дает право кучке людей определять судьбы миллионов, по принципу меньшего (а иногда и большего) зла. Это машина, создающая иллюзию участия масс в управлении обществом. Это орудие контроля и интеграции, втягивающее широкие массы трудового населения в процесс принятия решений об их же собственной эксплуатации. «Для определения степени человеческой свободы решающим фактором является не богатство выбора, предоставленного индивиду, — говорит Герберт Маркузе, — но то, что может быть выбрано и что действительно им выбирается. Свободные выборы господ не отменяют противоположности господ и рабов».

В течение последних десяти лет демократия и свободный рынок привели российское общество к тотальной нищете, к вымиранию миллионов людей. Непонятно, о какой свободе может идти речь в общественной системе, где часть населения лишена самого фундаментального права — права на жизнь, где корпорации и бюрократия, контролируя условия существования людей, создают отчужденную бесчеловечную реальность. Да, фашизм убивал людей в концлагерях, а рыночно-демократический строй убивал их массированными бомбардировками жилых кварталов в Гамбурге, Дрездене, Токио, в

Хиросиме и Нагасаки он убивал их уже атомными бомбами, во Вьетнаме — химическим оружием, а сегодня, в странах капиталистической периферии, таких как Россия, он убивает людей голодом и болезнями. В чем же, в каких единицах измеряется величина зла? В миллионах трупов? И какая в конце концов разница, как умирать: в концлагере или на «воле» от голода, болезней и непосильного труда? Кто хоть раз был в российской глубинке, кто хоть раз видел, в каких условиях живут люди в третьем мире, тот понимает, что это не пустые слова. Величайшее лицемерие — отстаивать приоритет либеральных ценностей, сидя в тихом, уютном кабинете и получая приличное жалование. Не говоря уже о том, что защищена демократия «как меньшего зла по сравнению с фашизмом» — это еще и заведомо проигрышная позиция. Голодный человек не станет бороться «за свободу печати», мягко говоря условную в ситуации финансового контроля над прессой со стороны крупных корпораций.

Для того чтобы воспрепятствовать росту фашистского влияния, недостаточно одних только заклинаний: мол, фашизм — это плохо. Нужно разобраться в причинах, порождающих данное явление. «Широкое общественное согласие с формулой, в соответствии с которой ценность человека определяется его работоспособностью и производительностью, имеет во времена сокращения рабочих мест далеко идущие последствия», — пишет немецкий анархист Михаэль Вильк. — Ощутимо растет тенденция решать социальные проблемы, вытекающие из ухудшения экономической ситуации, с помощью социал-дарвинистских методов. С ростом отчаяния от неспособности доказать собственную конкурентоспособность пропадает не только ощущение собственной ценности, но и растет злость, которая, в соответствии с давно известными образцами, направляется против других. Эти другие — не только иностранцы и беженцы, которые в известной расистской манере рассматриваются как угроза для немецких рабочих мест, но и старики, больные и инвалиды, все больше и больше воспринимаемые как фактор непроизводительных расходов. На картину социальных споров накладывает отпечаток дискуссия, в которой люди предстают прежде всего в контексте стоимости и полезности. До тех пор, пока даже жертвы такого подхода согласны измерять ценность людей по их прибыльности, по их экономической эффективности и конкурентоспособности, существует не только опасность социального деклассирования и изоляции, но и угроза быть объявленным недостаточно ценным, неполноценным или вредным для жизни». Из этого следует, что проблема расизма не может быть решена в условиях рыночно-демократической системы. Тем более что, по мнению другого немецкого либертарного исследователя, Карла-Хайнца Рота, «более трети населения ФРГ — это беженцы, иностранцы, лишенные каких бы то ни было политических прав». Для решения проблемы необходима совершенно новая концепция социального присвоения и новая форма управления обществом.

Так какие же силы питают фашизм? Ложь и демагогия? Но если бы все, что говорят фашисты, было ложью на 100%, проблема не была бы столь уж серьезной. Вы хотите сказать, в ужасе воскликнут демократы, что фашисты говорят народу правду!? И да и нет. Вот президент США с улыбкой на устах посыпает самолеты бомбить Югославию «во имя гуманизма и демократии», вот натовские генералы деловито рассуждают «о правах человека» на фоне картинки разрушенного Белграда, вот под аккомпанемент тех же самых рассуждений крылатые ракеты с этикеткой «Made in USA» падают на Триполи, Могадишо, Багдад, Хартум, на афганские деревни... Фашистам в таких случаях нет смысла лгать. «Пока существуют нации, государства и большой бизнес, — говорят фашисты, — будут существовать «сфера влияния» и «зоны интересов», будут продолжаться большие и малые войны». Посмотрите, говорят они, на демократов. Самы условия существования в современном мире, сама потребность обеспечить выживание сре-

ди других империалистических хищников заставляет их стремиться к господству, к экспансии, к расширению жизненного пространства. Ибо: «выживает сильнейший». Но демократы не хотят и не могут действовать последовательно, их политика половинчатая, лицемерна, отягощена предрассудками. А мы открыто заявляем о своих намерениях и пойдем до конца.

Все именно так. Сила фашизма, его мощь скрыта в этой своеобразной извращенной честности. И напрасно либеральные правозащитники прячутся за утверждениями, что, мол, всегда нужно делать акцент не на geopolитике, а на правах человека. Геополитика, если понимать под данным термином стратегические интересы и экспансионистские устремления великих держав, существует, более того — правит миром. «Глупо спорить о том, — пишет В. Игнатьев в статье «Безумие геополитики», — должны ли Курилы остаться русскими или их следует отдать Японии» («Тум-балалайка» № 9). А почему, собственно, глупо? Бесчеловечно, может быть, но отнюдь не глупо. Если демократы признают за государствами и корпорациями право на существование, то почему же они не признают право вышеизложенных структур на реализацию своих интересов? А вот требовать, чтобы в рамках борьбы сверхдержав за мировую гегемонию соблюдались права человека, — это действительно глупо и наивно.

Абсурдно пытаться вырвать тоталитарные режимы (фашизм и большевизм) из контекста европейской истории нового времени, из контекста индустриально-капиталистического развития. Фундаментальным принципом индустриально-капиталистической системы является экономическая рациональность и эффективность любой ценой, извлечение прибыли с минимальными издержками, подавление конкурентов и неразрывно связанная с этим процессом социопсихологическая установка на доминацию и экспансию. Политика, культура, язык, право, искусство, господствующая мораль подчиняются вышеупомянутому императиву и изменяются (рационализируются) в соответствии с требованиями решения главной задачи. Все это приводит к «внешней» экспансии, к войнам (а значит, к неизбежной централизации общественной жизни) и к «внутренней» экспансии в область человеческой психики, к росту одномерности, к превращению человека в функцию экономической мегамашины. Люди становятся заложниками огромных экономических и политических структур, порожденных индустриальной рациональностью, их жизнь выхолащивается, превращаясь в дьявольскую карусель самых пошлых и низменных побуждений. И даже бунт против растущего отчуждения принимает порой чудовищно-разрушительные формы, ибо слишком сильно искалечены души.

Данные тенденции и формируют тоталитарный строй, а он, в свою очередь, доводит их до логического завершения. По мнению Маркузе, современное индустриальное общество «тяготеет к тоталитарности». Большевистский ГУЛАГ добывал золото на экспорт, в обмен на промышленное оборудование, необходимое для укрепления военной и экономической мощи СССР. Нацистские абажуры из человеческой кожи, выставленные на продажу, — это также реализация доведенного до абсурда принципа капиталистической рациональности. Вот почему бессмысленно противопоставлять фашизм и рыночно-демократический строй. Пусть даже мы примем за аксиому отнюдь не бесспорное утверждение, что демократия убивает реже и меньше, чем фашизм. Но предрассудки, наивность, туповатое благородство, желание «сохранить лицо» — все эти филистерские добродетели не смогут удержать общество от падения в пропасть «геополитического безумия». Слишком велики господствующие в мире разрушительные силы, порожденные иррациональной, бесчеловечной рациональностью мегамашины. Слишком призрачна грань, отделяющая буржуазную цивилизованность от безудержного варварства фашизма.

Впрочем, в «Тум-балалайке» встречаются порой достаточно глубокие рассуждения. Так, например, в статье «Часовой механизм уже запущен» (все тот же № 9) говорится, что «в

этом трезвом, холодном рационалистическом обществе фашистские организации представляют собой нечто вроде «сгустка тепла», «прибежища идеалов», что они являются «одним из воплощений провинциального уюта, противостоящего модели рационалистического прогресса». Важно понять, каким образом фашизм интегрирует подобные протестные импульсы и со временем обращает их в свою противоположность. Ведь эти импульсы неразрывно связаны с тем, что еще не исковеркано в человеческой культуре, они порождаются глубинным стремлением людей к теплу, к сотрудничеству и взаимопомощи, они вызваны естественной реакцией человека на ужасы капиталистической тирании и индустриальной гигантомании. В 30-е годы немецкий национал-социализм сумел легко интегрировать внеклассовые коммунистические устремления пролетариата в свои «народные коммуны» (*Volksgemeinschaft*), так как в то время даже самые крайние революционно-синдикалистские организации Германии (не говоря уже о либералах и социал-демократах) просто не обращали внимание на подобные проблемы. Сегодня некоторые нацистские группировки пытаются повторить тот же самый прием, и будет очень плохо, если у них все получится. Но «Тум-балалайка» не развивает тему, оставаясь на уровне описания быта наци-скинхедов и абстрактных призывов «бороться с фашизмом». Ни о настоящем глубинном, социально-революционном анализе, ни о борьбе с бесчеловечной реальностью индустриального капитализма речь не идет. Мысль

стыдливо останавливается вблизи поля антииндустриалистических идей, не решаясь пройти дальше.

Конечно, нужно бороться с фашизмом и национализмом. Но эта борьба лишена смысла, если она оторвана от самоорганизованных пролетарских инициатив, от либертарных идей, от стремления преодолеть индустриально-капиталистическую отчуждение и тиранию государства, от протестных импульсов, исходящих из полураздавленных и деформированных пластов общественного сознания — элементов подлинно живой человеческой культуры. Что до либерально-демократической идеологии, то я глубоко убежден в том, что она наносит вред делу антирасистского сопротивления. Во избежание недоразумений: я с уважением отношусь к такому изданию, как «Тум-балалайка», но мне представляется ошибочной его либерально-демократическая составляющая. По существу, демократические антифашисты делают рекламу фашизму (бессознательно, как в случае с субъективно честными тумбалалачниками, и вполне осознанно — в случае с официальными антифашистами типа П. Казначеева), ибо они стремятся убедить нас в том, что нет иной альтернативы фашизму, нежели рыночно-демократический строй. Если им действительно удастся убедить в этом общество, то победа фашизма станет неизбежной, так как современные условия существования в рамках «демократии и свободного рынка» являются абсолютно неприемлемыми для большинства людей на нашей планете».

Михаил Магид

Ответ Московскому Магиду

Признаться, рассуждения московского анархиста М. Магида о фашизме и демократии задели меня за живое. Сначала я было собиралась ответить, что называется, анализом на анализ — противопоставить со всей необходимой почтительностью две точки зрения, разразить на аргументы уважаемого оппонента, привести новые факты, осветить другую сторону рассматриваемого вопроса... Но, еще не начав писать такого рода опус, я поняла, что из попытки совместить правдивость и академический ли, политico-аналитический ли подход ничего не выйдет. И хотя исповедально-фамильярный жанр никогда вроде бы не был мне свойствен, но, похоже, на сей раз мне не удастся скрыть свои глубоко личные эмоции. И даже сознавая, что тем самым даю повод для личных же нападок и насмешек, так же как и для высокомерно-равнодушного: «Не стоит внимания!», все же напишу как сумею, а там будь что будет.

Хочу сразу оговориться, что «задело» меня вовсе не то, что касается «Тум-балалайки». Разумеется, все, что говорят и пишут о нашей газете, не может не вызывать любопытства и даже волнения. Однако в критике М. Магида в адрес «Тум-балалайки» ничто не показалось мне обидным или несправедливым. Более того, мне кажется очень лестным мнение, что «Тум-балалайка» — «среди всех наших автономных и антифашистских изданий... одно из самых привлекательных». Еще

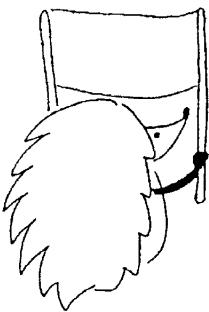
приятнее быть названным «субъективно честным»: ведь честность — едва ли не важнейшая характеристика во всякой этико-политической деятельности, в том числе и антифашистской. А что до субъективности, то избавьте нас от тех, кто возомнит себя «объективно честным», ибо объективность в вопросах совести — это то самое и есть, о чем писал Галич: «...бойтесь единственно только того, кто скажет: я знаю, как надо».

Что же касается содержащейся в статье М. Магида критики замечаний в адрес как самой газеты, так и отдельных авторов и статей, то мнение такого внимательного и думающего читателя, как Михаил Магид, всегда интересно и полезно узнать. Нет, не стоило бы и писать никакого «ответа», если бы речь шла лишь о «Тум-балалайке» и ее авторах. Беда в том, что критика газеты оказалась лишь предлогом для изложения теорий и мыслей гораздо более общего характера. И тут-тут начинаются серьезные разногласия между нами.

Если сформулировать главную мысль М. Магида в двух словах, то следует считать неправильным антифашизм, ставящий своей задачей лишь борьбу с фашизмом. А правильным антифашизм может быть только борясь за принципиально новые общественные отношения, лишенные всего того плохого, что встречается не только в странах, управляемых фашистами, но и во всех прочих, в том числе (и едва ли не в первую очередь) демократических странах, то есть эксплуатации, социальног и экономического неравенства, меньшинства, правящего большинством, и тому подобное.

Вовсе не споря с очевидностью таких явлений во всех странах и при всех существующих строях и режимах и тем более тем, что все это и печально, и заслуживает осуждения и частного сопротивления, все же хочу задать вопрос: какая разница между антифашизмом и революцией? Как мне кажется, разница именно в том, что под революцией подразумевается осуществляемая мирным ли, военным ли путем полная перестройка общественных отношений, а под антифашизмом — борьба с фашизмом, не больше и не меньше. Далее следует очень уместный и сложный вопрос о методах этой борьбы, возможных союзниках или неприемлемых компромиссах. Но об этом-то М. Магид ничего и не пишет. Что ж, не будем и мы

М. Магиду представляется основным другой вопрос: если не фашизм, то что же? А ответ, который представляется ему неправильным, таков: демократия и рыночные отношения. Кстати, это вовсе не единственный из возможных ответов, но других он не рассматривает: только один неправильный

один правильный (то есть революция). Представление о том, что революция — это хорошо, а современная модель демократии и рынка — плохо, вполне естественно для убежденного анархиста, антикапиталиста, антигосударственника. Труднее понять, как такой человек может считать фашизм и демократию почти одинаково «бесчеловечными» (любимое слово М. Магида) системами. Не ценит такой человек своей свободы в несовершенном мире жестокого рынка и продажного парламентаризма — пусть и условной, но такой сладостной свободы жить вне ежеминутного надзора, вне тюрьмы, вне зоны. Ходить к друзьям, и ездить по своей стране и даже в другие страны, и работать или не работать, и издавать всякие малотиражные издания, и писать там о «бесчеловечности» такого строя, об ужасах рынка и голоде, которого вы не чувствуете. Я не знаю, долго ли мы сможем всем этим наслаждаться, но тем острее я упиваюсь свободой и тем больше боюсь тюрьмы, и голода, и фашизма!

Легко представляю себе благородное возмущение моего оппонента и его многочисленных единомышленников по прочтении этого признания: «Наслаждаясь? А под обстрел в Грозный не хочешь? А голодать с шахтерами Кузбасса не хочешь?» Война — это также ужасно, как все то, чего мы боимся и что ненавидим в фашизме. Нельзя не чувствовать мучительной боли и стыда, думая о войне, невозможно не считать это своим делом, не понимать необходимости сопротивления этой войне, и антифашистов это непосредственно касается. И наша относительная свобода отправлена этой войной. Это правда. Но согласитесь, что в Чечне «убивает демократия», я не могу. Это и есть наступление самого фашизма, со всеми его приспешниками: милитаризмом, расизмом, насилием и бесконечной ложью. Можно стыдиться, что нам пока легче, чем тем людям — там, можно этому радоваться. Но нельзя на этом спекулировать, нельзя утверждать, что «разница невелика». И на Ваш, Михаил, теоретический вопрос: «Что же, если не это?» — мой ответ таков: «Только не это». Только не войны, не лагеря уничтожения, только не тотальный контроль за каждым шагом каждого человека, только не дуло у каждого виска! И не так уж много стоят высоконравственные рассуждения М. Магида о том, что не столь важно, сколько жертв, что дело, мол, не в количестве. Все же чем больше людей на свободе — тем больше свободы, чем меньше убитых — тем больше живых. И пока мы живы и на свободе, естественно этому радоваться, а чем больше мы ценим нашу жизнь и свободу, тем дороже обойдутся они тем, кто захочет их у нас отнять.

А еще следует ценить правду, избегать всякого рода пусть эффектного, но вранья. Увы, в статье М. Магида много неправды. Высказывания вроде того, что рыночные отношения принесли миллионам людей в России смерть от голода и болезней, — такая же пропагандистская ложь, как и столь популярные в советское время рассказы о невыносимой нищете многодетных семей в капиталистических странах вроде США или Англии. Да, условия жизни для многих в России в 1990-е годы ухудшились даже по сравнению с довольно-таки убогой картиной 1980-х. В какой-то период основных продуктов питания

не хватало, потом многим стало легче, но и теперь еще тую приходится старикам, больным, безработным или беззарплатным. Кто же это отрицает? Признаются эти печальные факты и самими демократами: «Московский милиционер, проверяющий документы у «лица кавказской национальности», вряд ли слышал

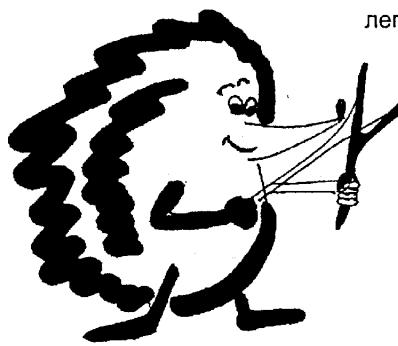
что-нибудь о «свободе от национальной дискриминации», а если слышал, то точно не поверил. А уж слова Конституции о том, что «достоинство личности охраняется государством», для шахтеров, падающих в голодные обмороки на работе и возвращающихся к своим семьям в день получки с пустыми карманами, звучат и вовсе издевательски. Равно как и утверждение о равном праве на защиту закона» (С. А. Ковалев). Но одно дело признавать ухудшение уровня жизни, обеспечения, медицинского обслуживания, и совсем другое — «смерть от голода», да еще миллионов людей!

В нашей стране наши современники не понаслышке знают о голоде, уносящем миллионы жизней. Спросите блокадников, бывших заключенных ГУЛАГа, узников концлагерей — эти люди помнят тот голод, о котором М. Магид пишет с такой легкостью. Нищие из нищих в наши дни — богачи по сравнению с теми — тогда. Иначе не валялись бы недоеденные бананы и мороженое на улицах, ни минуты не пролежал бы выкинутый «богачами» сухой хлеб в мусорном контейнере. И неправда, что голодают в «глубинке». Если где и умирают одиные старики от недоедания, то здесь, в больших городах;стыдно и горько видеть их убогие фигуры, рыщущие по помойкам или выносящие гнилые овощи с заднего хода магазинов.

«Кто хоть раз был в российской глубинке — понимает», — утверждает М. Магид. Что ж, я каждый год провожу несколько месяцев в одной из беднейших частей Российской Федерации — Карелии — и знаю: там не голодают. Бедности, конечно, хватает (одеты, например, люди на круг гораздо беднее, чем в Петербурге или тем более в Москве), а вот голода — нет. Ведь именно провинциалов кормят огород, если и не свой, так родственников или соседей. Да и лес кормит, тем более что «проклятый рынок», создав несколько конкурирующих фирм-ядозаготовителей, не позволяет больше государству по бросовым ценам скупать результаты летнего труда местных детей, старух, да и любых других желающих заработать. Так что сбор ягод стал очень доходным делом, а работы этой хватит на всех.

Все это я говорю не для того, чтобы доказать полнейшую выдуманность проблем, о которых пишет М. Магид. К сожалению, они не просто его фантазии. Но если говорить и писать о таких вещах, то только правду, проверенные факты, только то, что мы сами узнали и поняли. Тогда критика будет звучать убедительно, а предложения будут приниматься всерьез. Те же, кто встает на путь спекуляций и политической пропаганды, не должны рассчитывать на доверие читателей и слушателей. Как я могу признать ценной антифашистскую концепцию М. Магида, если я знаю, что в качестве доказательств он использует неверные сведения и пустую риторику? Ложные посылки и информация, очевидно противоречащая личному опыту читателя, приводят к выводам, противоположным тем, которые пытаются навязать автор. Все мы знаем, как многолетнее вранье советской прессы об «ужасах капитализма» способствовало немыслимой популярности мечты о «капиталистическом рае в России». Ближе познакомившись с капитализмом, как с довольно пока условным, здесь, так и с тем самым, желанным, на Западе, многие из нас своими глазами увидели его реальные «язвы». И все же — при моем полном неодобрении западного образа жизни — то, что нам внушали о Западе коммунисты, было враньем! Не надо же присоединяться к тем, кто опять на голубом глазу врет и искажает факты, спекулируя на настоящих бедах и трудностях, чтобы опять проклясть одних и обмануть других.

Наша скромная антифашистская задача — противостоять всякому вранью, насилию, безумию. Честный человек — анархист ли, демократ ли, индивидуалист ли — может и должен быть антифашистом, а уж поддержат нас массы трудящихся или нет, это будет их выбор. По крайней мере, мы не собираемся ни обманывать их, ни манипулировать ими.

Анархизм как защита демократии

Если верить Михаилу Магиду, каждый уважающий себя анархист и антифашист должен быть противником демократии. Впервые за все время, что я связан с анархизмом и антифашизмом, я сталкиваюсь с идеей уничтожения демократии, высказанной анархистом-антифашистом. Удивительно, как легко М. Магид забыл опыт анархистской революции 1936 года в Испании и события, которые за ней последовали. С тех пор как возникло движение анархистов, антидемократические силы пытались покончить с ним. В демократических странах и в периоды демократизации анархистское движение процветало. Понятно, что анархисты и государственники — идеологические враги, поэтому государство и его представители не могут обеспечить анархистам безопасность и поддержку.

Анархизм и антифашизм объединяет то, что они представляют критически настроенным людям возможность реально критиковать авторитарные и деспотические системы. С моей точки зрения, анархизм и антифашизм вполне могут действовать вместе в частных случаях. Если же вписать их в общую геополитическую картину, как делает М. Магид, это далеко уведет нас от истинного понимания тех разрушительных механизмов, которые, по-видимому, правят миром. Без сомнения, социальная несправедливость и фашизм не полностью уничтожены. Полезнее использовать этот факт как повод исследовать деятельность антифашистов и анархистов и ее результаты, а не изображать из себя бессильную жертву.

Колонны анархистов и антифашистов летом 1936 года в Испании, люди, отвечающие на прямую угрозу военной диктатуры, — эта картина вселяет мужество и надежду в современных анархистов и антифашистов. Результаты создания крестьянских и рабочих кооперативов, сменивших феодализм в Каталонии, Арагоне и других областях, доказали анархистам верность их теорий. Решение части анархистского движения подчиниться и принять сторону республиканского правительства было ошибкой, которая неожиданно привела к обратным результатам. Анархисты поняли, что республиканские демократы будут терпимы по отношению к последствиям революции, но неверно оценили пагубные намерения испанской коммунистической партии, которую поддерживал Советский Союз. Так, в 1940-е годы, когда большинство республиканцев оказалось во Франции, живущие в изгнании испанские большевики попытались совершить теракт против изгнанных испанских анархистов, хотя и те и другие боролись против нацистов в одном движении Сопротивления.

Серьезная ошибка многих анархистов и антифашистов в том, что они считали коммунистов своими союзниками, игнорируя события, произошедшие после 1918 года в России и после 1937-го в Испании, когда большевики расправились со своими политическими союзниками. Анархисты и антифашисты не должны забывать, что коммунистам нужна прежде всего власть, а не социальные преобразования. Печально, что в наши дни многие анархисты Германии и России приняли решение объединиться с коммунистами во имя противостояния капитализму. Что в таком случае означает это противостояние? Стремление осуществлять контроль над производством

щихся в положение послушной массы, получившей некоторые привилегии, но по-прежнему эксплуатируемой. Анархисты становятся теми, кто управляет людьми ради собственной (идеологической) выгоды. Они должны попытаться заставить людей осознать те несправедливости, которые их окружают и предложить альтернативу. Правда в том, что я и многие другие анархисты и антифашисты не стремимся к власти, тем более не хотим уподобиться тем протестующим, что призывают авторитарные и тоталитарные режимы, принимая или иную сторону в геополитических играх властующих. Главной областью ответственности является повседневная жизнь, непосредственное окружение, то, с чем мы постоянно сталкиваемся. Вот почему мы должны помогать чеченским беженцам, бойкотировать продукцию Белоруссии, с эстонцами наследует обсуждатьувековечение памяти эсэсовцев, практикуемых ими, а с финнами — иммиграционную политику Евросоюза. Конечно, из этого следует, что москвичи, такие как М. Магид, должны в первую очередь нести ответственность за осуществление оппозиции российскому правительству и за критику geopolитики России.

Говоря о страданиях людей и причинах этих страданий, важно понимать, что, собственно, мы имеем в виду. Наследием советской системы стали война и кризис. Сейчас правительство берет кредиты, чтобы поддерживать военный механизм, а расплачиваться будут наши дети. Слава богу, нам остались возможность покупать продукты отечественного производства и даже создать собственную систему товарообмена и купли-продажи, избавив нас от жесткого экономического контроля над предметами первой необходимости, который существует на Западе или в регионах, строго контролируемыми денежными мешками вроде МВФ.

Это правда, что население африканских, южноамериканских и азиатских стран задавлено долгами, которые оно не в силах выплатить. Бывшие колониальные правительства с радостью отказались от денег и даром отдали западным компаниям многие выгодные проекты, — логическое следствие колониальной эпохи, когда эти страны были экономически зависимыми. Во многих постколониальных странах отечественное хозяйство не могло конкурировать с дешевыми импортными товарами и местное производство было обескровлено. Результатом этого стал голод в Африке в 1980-е годы. Голод могла только западная благотворительность. Сейчас деятельность фермеров и других представителей национальной экономики в этих странах организована гораздо лучше. Она успешно (особенно в Индии и Бразилии) противостоят попыткам своих правительств и западных международных корпораций монополизировать производство продуктов питания и диктовать свои условия. Между ними и западными анархистами и антифашистами установилось плодотворное сотрудничество через международную сеть «Peoples Global Action», куда входят многие представители местных этносов.

Я думаю, контакт между Западом и Востоком, установленный за последние десять лет, очень полезен и благотворен. Он действительно объединил спорящих и открыл глаза тем, кто так до сих пор находился в противоположных идеологических лагерях. Для анархистов и антифашистов эти перемены означали огромную идеологическую победу, так как мы всегда говорили, что государственное давление и монополизм не могут разрешить стоящих перед всеми людьми проблем. Стало ясно также, что внушительные современные системы производства на самом деле слабы и в значительной степени зависят от энтузиазма своих сторонников.

Страх и неуверенность, характерные и для Запада, и для Востока в постперестроечный период, — важная проблема для анархистов и антифашистов. Именно эти чувства заставляют людей легко покоряться, поддерживать политичес-

игры и проглатывать поддельную правду, которую предлагают им средства массовой информации. Даже антифашисты и анархисты зачастую довольствуются ролью вечно протестующих, прибегая при этом к мелким компромиссам. Вместо этого они должны убеждать людей перестать жить как все, сопротивляясь, восстать против войны, против государственной и церковной бюрократии, против национализма и всего, что несет в себе прямую или косвенную угрозу.

Демократия — это система, которая дает анархистам и антифашистам широкие возможности, хотя репрессивные и антидемократические силы в современном государстве и способны прикончить любую критическую инициативу. Анархисты и антифашисты должны сосредоточиться на том, как побудить людей к действию и заставить осознать окружающую нас несправедливость и пути, ведущие к избавлению от нее. Критика и создание идеальных проектов — только начало. Поскольку демократия — это система, которая уравновешивает различные влияния и силы, анархисты займут в ней свое место, даже если на деле законы и ограничивают некоторые их проекты. Многие западные анархисты поколения 1968 года служат рядовыми демократической политики, представляя местные партии или «зеленых». Они старательно выстраивают свое окружение и предоставляют слово всем, кому есть что сказать.

Сильнейшее оружие демократического общества — политика отказа от сотрудничества. Большинство конституций ува-жают эту возможность, и поэтому имеет смысл защищать ее правовым путем, хотя многие анархисты и антифашисты этот путь не принимают, он зачастую носит слишком формальный характер, не оставляет простора для дискуссий и иногда воспринимается теми, кто в этом не разбирается, как проявление покорности. Опыт борьбы антиимпериалистов и политзаключенных показывает, что надо использовать каждый сантиметр пространства, которое выделяет нам закон, для борьбы за наши права.

В демократической стране могут существовать анархистские идеи и одновременно создаваться структуры, основывающиеся на иных этических и экономических принципах. Кто-то, например, выбирает коммуны и коллективные предприятия. Интересно сравнить подобные проекты в Западной и Восточной Европе. Все они грешат ошибками и недо-

статками, но это лишь означает, что есть из чего извлечь урок. Пожалуй, наиболее важен в этом смысле вопрос о том, в какой степени можно идти на компромисс с общественной нормой. Многие пошли навстречу обществу и социально-экономической системе, чтобы не выделяться и привлечь на свою сторону самых разных людей, благодаря чему идеи их становились действенными и получали широкое распространение. Другие предпочли жить совершенно независимой жизнью, бросив вызов общепринятым нормам, от которых сами они отказались, но на которых по-прежнему держится все вокруг. Единственный способ уничтожить власть жестоких и бесчеловечных учреждений и организаций в нашем обществе и во всем мире — это социальная революция, которая приведет к всеобщему принятию различных этических принципов, идей и жизненных моделей. Поэтому прекрасно, что все больше и больше людей начинают думать нестандартно. Поэтому нужно поддерживать людей в их желании жить не как все, нужно стремиться вести собственную, независимую жизнь.

Какую пользу могут извлечь анархисты и антифашисты из футбола и из хулиганства? Для России это нехарактерно, но в Голландии анархистские и антифашистские общества регулярно устраивают соревнования. Футбольные хулиганы приходят, чтобы поддержать антифашистов и сквотеров, бунтующих против полиции. Голландский анархист Николас Стейлинк, активист Американского профсоюза анархистов, играл в американской национальной сборной по футболу. В Голландии спорт — это явление общественной жизни, а для молодежи из бедных иммиграントских семей — возможность преодолеть комплекс бедности и комплекс меньшинства. По-моему, очень важно, чтобы люди могли сами формировать свой индивидуальный образ; футбольный болельщик — одна из возможных сторон этого образа. Клеймить болельщиков как безмозглых и свирепых идиотов — значит уподобляться государственным бюрократам и автократам, которые именно так и поступают.

Мой вывод таков: демократия позволяет анархистам и антифашистам служить возникновению необходимых перемен и самим производить их. Да здравствует сопротивление!

Петя

Слово в защиту либерализма

Рассматривая государство как нечто отдельное, как некую надстройку над обществом, ему нередко приписывают и некое независимое от общества существование: являясь, по существу, лишь механизмом, созданным людьми для своих целей, этот гоббсовский Левиафан вырвался на свободу и из слуги людей превратился в их господина. Эта метафора выявляет древний человеческий страх перед собственными творениями; подобным же образом многие сейчас в связи с идеей полностью искусственного интеллекта и развитием компьютеров предрекают их мятеж против своих неразумных создателей. Но, в отличие от компьютеров будущего, государство как механизм разумом не обладает и без человека обойтись не может. Бунт Левиафана, в этом плане, нельзя сравнивать с побегом зверя из зоопарка (что, в общем-то, можно сделать по отношению к искусственно созданному интеллекту, как существу, движимому собственной волей). Не имея разума, государство не имеет и воли, но, будучи механизмом, оно насквозь пронизано логикой своего инструментального назначения, следовательно, для государства как механизма управления стержневым элементом является логика власти. Государство и возникло как инструмент «воли к власти», — здесь ни в коей мере не подразумевается абсолютная стихия Ницше, но лишь та не-отъемлемая от человека направленность проявления его свободы, существование которой нельзя отрицать. И реальной актуализацией этой направленности являются абсолютные монархии, когда одному человеку удается оседлать Левиафана.

Безусловно, монархическая модель политического устройства имеет свои плюсы, особенно в решении основных задач общества; но теоретический базис монархизма всегда вынужден видеть в том самом наезднике человека справедливого, просвещенного и так далее, что исторически себя никак не оправдывает и само по себе ничего не гарантирует.

Противоположная крайность — убийство Левиафана, — страдает тем же пороком, только здесь требование быть хорошим человеком распространяется на всех членов общества. Человек по самой природе вещей никогда не станет абсолютно свободным (он скован рамками этого мира), но и идеально возможная его свобода, к которой каждый так или иначе стремится, в обществе невозможна в силу того, что претендентов на такую свободу много: каждый, грубо говоря, стремится обладать одним и тем же бананом. Следовательно, равенство свобод людей в обществе детерминирует человека. Максимальная свобода человека в обществе необходимо должна быть соотнесена со свободой других и ею ограничена. Для соблюдения же «границ» необходим некий регламентирующий механизм, без которого не смогут существовать даже анархические ассоциации (по крайней мере, в ближайшее время, если человечество не претерпит изменений).

В этом-то и весь фокус, что государство возникло как инструмент «власти», все объединяющий и приводящий к стандарту этой «власти» и тем самым подавляющий иные центры «власти». Таким образом, «власть» основана на насилии. Ка-

ким бы хорошим и справедливым ни был монарх, он исходит из своей субъективной воли, подавляя волю других. Даже безликий Закон (этакий всадник без головы на Лебиафане) тоже основан на насилии, ибо «закон существует всего лишь для того человека, который либо сам его создал, либо же согласился с ним. Для любого другого человека это не закон, а заповедь или приказ» (Руссо). Фикция единой народной воли может быть осуществлена лишь ценой того, что отдельные частные воли в их гетерогенности замалчиваются или подавляются. Проблема останется неразрешимой, вероятно, до скончания веков, ибо вряд ли можно предположить, что человечество когда-нибудь станет гомогенным, да и стоит ли стремиться к такому фактически безликому, «серому» обществу, где все на одно лицо.

Итак, в мире существует «власть», а следовательно, она им и правит. И от этого не уйти. Можно ей подчиниться, можно с ней бороться, чтобы, в случае победы, установить свою собственную «власть». Единственный способ нейтрализовать «власть» заключается в установлении равной ей иной «власти». Соблюдение аристотелевской «золотой середины» в некоторой степени лежит в основе западной либерально-демократической системы: это, с одной стороны, утверждение государства как механизма управления, а с другой — априорное недоверие к «власти». Это система постоянных противовесов и противодействий. Это сдерживание «власти» при помощи другой «власти», третьей и так далее, каждая из которых в себе заключает зло и как зло воспринимается. В своем роде такая система представляет собой гегелевское единство противоположностей.

Но ценность всего этого механизма заключается исключительно в его функциональности. Либеральная система максимально нейтрализует с необходимостью возникающие вления «воли к власти», и в итоге демократическое правовое государство становится проектом, чье единственное содержание — постепенно улучшающаяся институционализация способов разумного коллективного формирования воли, которые не могли бы нанести никакого ущерба конкретным участникам процесса, ведь в этом и состоит изначальная функция государства: население должно жить в условиях защищенности, социальной справедливости и растущего благосостояния.

Конечно, в реальных западных демократиях можно обнаружить немало плохого и, прямо скажем, гнусного, далекого отстоящего от либерально-демократической идеологии. Тем не менее это единственный готовый рай на земле. Это лишь система, в которой возможно воспитание человека в духе гуманистических ценностей, это механизм, при помощи которого подобные ценности могут восторжествовать.

Но сам этот механизм предполагает, что от человека можно ожидать чего угодно: все его винтики опосредованы априорным недоверием к человеку, хотя и предназначены для заботы о нем. Этот механизм построен на использовании «воли к власти», без нее он просто не нужен. Он есть та витальность, которая делает возможной штейновскую лесенку, которую, поднявшись, можно отбросить.

Коммунисты и антифашисты — союзники или оппоненты?

Можно ли быть коммунистом и антифашистом одновременно? Стоит ли ради ответа на такой, казалось бы, простой вопрос писать целую статью? Мне кажется, что да, хотя я и засомневался, когда решено было затронуть эту тему на страницах нашей газеты. Вопрос о том, что такое антифашизм, что значит быть антифашистом, не может не касаться отношений с коммунистическим комплексом идей. Среди политически активной части общества эти идеи распространены и сегодня; отношения коммунизма и антифашизма — эта тема принадлежит не только уже ушедшему прошлому, хотя без упоминания об исторических столкновениях фашизма, антифашизма и коммунизма обойтись совершенно невозможно. Тема эта сложна и напряженна еще и потому, что люди, с симпатией отзывающиеся о коммунизме или называющие себя коммунистами, могут находиться как в общем антифашистском лагере, так и среди наших непримиримых противников.

Впрочем, местоимение «мы», популярное, хотя и по-разному, в публицистической и научной речи, не кажется мне самым удобным для обозначения собственной позиции: поскольку речь заходит о ценностном выборе, здесь не может быть какой-то окончательной точки зрения и любой голос — это реплика в споре, в котором правильнее выступать от своего лица. Моя позиция почти наверняка вызовет возражения, но наша газета, на мой взгляд, тем и хороша, что не сводится к пропаганде одной политической платформы, а объединяет людей с разными взглядами, противодействующих агрессивной расовой, национальной или групповой нетерпимости.

В исторической плоскости проблема отношения к коммунизму касается не только идеи коммунизма, но в первую очередь тех государств, которые провозглашали и отчасти до сих пор провозглашают (Китай, Куба, Северная Корея) именно эту идеологию в качестве общеобязательной. Для одних коммунистический строй ассоциируется с защищенностью, социальными гарантами и относительной доступностью общественных благ,

для других (и последних все-таки больше) — с несвободой, принудительным единомыслием и расходжением провозглашенных лозунгов и принципов с повседневной жизнью большинства людей общества «реального социализма». Под сию пустой и мертвый догмы спокойно существуют давно преодоленные, если верить агитации, воззрения, весьма примитивные и более действенные: не случайно, что именно в Восточной Германии с ее казенным интернационализмом времен неофашисты сейчас оказались гораздо активнее, чем в западной части страны. В то же время сказать, что коммунистический идеал — благороден и незапятнан, зато плохи и уродливы методы его пропаганды и дешевого наследия, — значит пройти мимо существующей проблемы. Ведь и Гитлера некоторые из современных последователей называют подчас грубым олицетворением в сущности справедливой (национальной, антифашистской или антикоммунистической) идеи!

Однако разбирать, несут ли Маркс, Ленин (список можно расширять: Фурье, Бабеф или Кампанелла) ответственность за ГУЛАГ, имеет смысл, если только мы готовы провести параллель между коммунизмом и фашизмом, и здесь тут встает вопрос об отношении к наследию Ницше, Фихте, Вагнера. Впрочем, сопоставление и уподобление фашизма и коммунизма проводится уже давно и основные общие черты достаточно хорошо известны: подавление малейших оппозиций, Освенцим и ГУЛАГ, а также, в особенности, Молотова — Риббентропа августа 1939 года, расстрел еврейских офицеров в Катыни, наконец, совместные парады диктаторов на территории бывшей Польши. Все это выстраивается в единую тоталитарную модель с ее фашистским и коммунистическим, гитлеровским и сталинским обличьями: единство правящей партии, всепроникающая идеология, ставящая власть, диктатуру и организованное насилие. Наконец, широкий историко-социологический подход трактует фашизм и коммунизм как две сходящиеся до почти зеркального

бия альтернативы единственno оптимальной либеральной модели, как два равно тупиковых пути, два одинаково ошибочных, кровавых выхода из кризиса капиталистической цивилизации. Эта точка зрения западного либерального консерватизма, появившаяся в 1930–1940-е годы, была сформулирована Фридрихом фон Хайеком и Карлом Поппером.

Однако современная историческая наука отходит от подобных стереотипов и ищет более реальную картину жизни так называемых «тоталитарных обществ», не пытаясь «нормализовать» историческое прошлое и вместе с тем освобождаясь от идеологической готовности объяснять все в рамках тоталитаристской модели. Ведь если обратиться к истории этой идеи (коммунизм и фашизм как разновидности тоталитаризма), становится ясно, насколько она связана с атмосферой «холодной войны» и что она носит всецело антикоммунистический, а не антифашистский характер. В современной ФРГ аргументы в духе «тоталитаризма» отстаивают те сторонники исторического ревизионизма, цель которых — признать связь фашизма с немецкой и вообще западной политической традицией. Согласно их взглядам, фашизм был в первую очередь продолжением и ответом, хотя и не менее опасным, на большевизм, своего рода болезненным вывишом развития современного общества в XX столетии.

Самый весомый, по-видимому, аргумент в пользу идейной близости двух течений — это тезис о выделении одного признака, социального или национального, как основания для применения насилия. Вместо национального превосходства и расовой ненависти, провозглашаемых в фашизме, коммунисты выдвигают идею превосходства и диктатуры пролетариата и теорию классовой борьбы. Можно даже выстроить параллельные цепочки: патриотизм — национализм — фашизм и, соответственно, социализм — коммунизм — сталинизм; К. Маркс: «Извините, ребята! Это ведь была только идея...»

возьмешься за одно звено — непременно подадешь к заключительному. Но здесь, как мне кажется, параллель заканчивается и начинаются серьезные расхождения. Чувства национальные считаются изначально присущими человеку, он не может от них отказаться и крепко «связан» этим признаком-принадлежностью, социальные же характеристики гораздо более сознательны, рациональны и управляемы человеческой волей. Не случайно патриотические или национальные идеи в европейской истории, как правило, связаны с консерватизмом, идеей органической общности и исконной самобытности того или иного народа, в то время как социалистические невозможны без понятия прогресса, модернизации и конечного преодоления противоречий разных общественных классов. На мой взгляд, антифашисты исходят из того, что человек — существо в большей степени социально, нежели национально определенное, а чувство социальной несправедливости (идея социализма) для них вещь гораздо более острая и важная, чем любовь к собственным культуре, языку и государству (идея патриотизма). Хотя дальние аналогии между коммунизмом и национализмом вполне допустимы: история показывает, что получается, когда абстрактный принцип превосходства одной группы дополняется организованной властью и желанием поскорее занять подопечных железной рукой в счастливое будущее.

С другой стороны, политика умиротворения, мюнхенский сговор 1938 года, готовность европейских либералов и консерваторов первой половины века примириться с фашизмом перед лицом мнимой «красной опасности» — за все это антифашисты предъявляют тем идеологиям и режимам, которые ничего общего с фашизмом не имели, не менее серьезный счет. Подавляющее большинство современников и историков рассматривает фашистское движение как исходящее именно из правого политического лагеря, несмотря на всю его популистскую демагогию и имидж «рабочих партий». Наиболее заостренно это сформулировал еще на рубеже 1930–1940-х годов немецкий философ-эмигрант, лидер франкфуртской школы Макс Хоркхаймер, когда сказал, что тот, кто не хочет

говорить о капитализме, также не может рассуждать о фашизме. История 1920–1940-х годов говорит о том, что, при всей непоследовательности, именно коммунисты в большинстве европейских стран были одной из основных движущих сил Сопротивления. Национально-большевистские течения, а также действительно имевшие место связи коммунистов и фашистов (на почве общего противостояния Веймарской республике, например) все-таки оставались для той и другой стороны маргинальными, частными эпизодами, на которых при всем желании трудно выстроить теорию близнецового подобия фашизма и коммунизма.

На мой взгляд, антифашизм шире определенной политической идеологии, это та платформа, где могут сходиться люди разных убеждений; в целом для антифашизма наиболее характерна близость с движением за гражданские права в Америке и Европе 1960-х годов. В то же время несомненная связь современного антифашизма с историческим опытом Сопротивления на Западе делает естественной близость современных борцов с нацизмом именно к левым партиям или группам, причем скорее к еретическим течениям вроде «новых левых», анархосиндикалистов, автономов или даже порой троцкистов, чем к сталинской ортодоксии. Эта последняя бывает склонна идти на союз с крайними националистами под флагом борьбы с «мондиалистским» капитализмом и либеральными идеями.

Именно здесь важно подчеркнуть отличие западной ситуации от нашей, когда лидеры крупнейшей партии — Коммунистической партии Российской Федерации — терпят у себя в рядах активных черносотенцев или сами не брезгуют антисемитскими пассажами, а значит, объективно становятся противниками антифашистов. Еще хуже, как известно, дело обстоит с партиями радикальных коммунистов вроде Анпилова, Терехова или Андреевой.

Сама КПРФ скорее склоняется к консервативно-националистическим идеям вроде соборности или примата органической государственности, чем к отстаиванию социальной справедливости и все мене может считаться классической левой партией. Вместе с тем огульно именовать КПРФ фашистской партией в нынешней ситуации все-таки, на мой взгляд, неправильно.

Итак, как можно ответить на поставленный в начале вопрос: может ли коммунист быть одновременно антифашистом, и наоборот? Активный сторонник КПРФ, целиком разделяющий позицию руководства партии, — вряд ли, но быть коммунистом в современной России отнюдь не означает поддерживать эту партию. Однако и с неортодоксальными коммунистами у антифашистов есть важные пункты расхождения. И, по моему мнению, антифашистам принципы 1789 года важнее принципов 1917 года. Идея равенства не отменяет собой — и не включает в себя — идею свободы, наоборот: воплощение социальной справедливости немыслимо без идеи освобождения. Социалистический идеал сегодня едва ли жизнеспособен без этой либеральной компоненты — защиты прав и свобод человека, от которой пытался освободиться коммунизм даже в его ленинском или троцкистском вариантах. Если нынешние коммунисты с этим согласны, они включаются в ряды антифашистского движения, но, как мы знаем, коммунисты делают сегодня и противоположный выбор. И все же, как в смысле исторической преемственности, так и в смысле верности собственным конечным целям ликвидации насилия, угнетения и эксплуатации, коммунисты относятся к противникам фашизма. Так обстоит дело в теории, а действительность, и особенно российская, может в обилии давать и совершенно противоположные примеры поведения тех, кто называет себя сегодня коммунистами. Соответствие этого поведения теоретической истине, наверное, дело их собственного выбора и мировоззрения. Правда, о том, что ярлыки и обозначения могут обманывать не только покупателя, но и самого продавца, писал еще в середине прошлого века не кто иной, как Карл Маркс.

Американская история Икс (о «неправильном» антифашизме)

Фильм Тони Кея «Американская история Икс» (1998) известен во всем мире и пользуется большой популярностью. Актер Эдвард Нортон даже был выдвинут на премию Оскар за лучшую мужскую роль. Фильм этот интересует нас не только сам по себе, но и с точки зрения того, как некоторые антифашисты понимают фашизм и к чему это может привести.

В антифашистской среде было множество дискуссий по поводу «Американской истории Икс». Некоторые считают, что фильм отличный со всех точек зрения, другие отрицают художественные достоинства, признавая политические, третьи — наоборот, но мало кто остался к нему равнодушным. Меня же фильм привел в возмущение. Попытаюсь объяснить почему.

Позволю себе небольшой трюк. Как вы думаете, в каком издании могла появиться следующая рецензия:

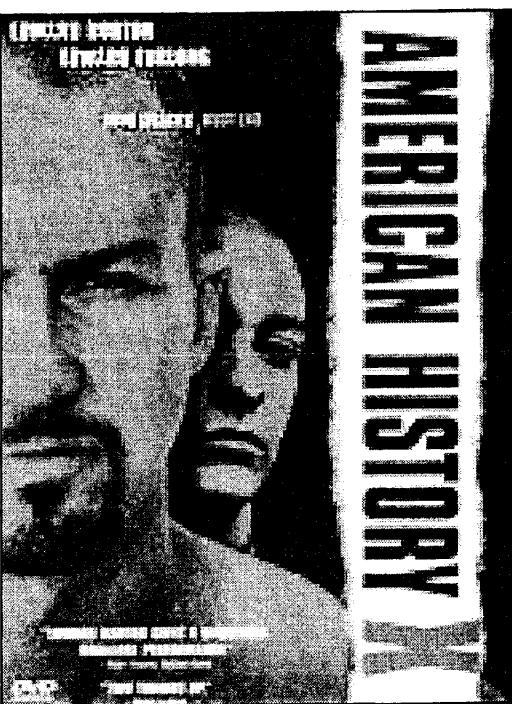
«Фильм несомненно интересный.

Конечно, это Голливуд, но в ряду совершенно тупейших фильмов про скунхедов он явно выделяется — в лучшую сторону. Ситуация получилась знакомая по «Списку Шиндлера», «Спасению Райана» — хотели сказать одно, а на экране-то вышло другое.

Суть фильма можно определить как разочарование в идеях под влиянием тяжелых жизненных обстоятельств. Главный герой фильма Дерек Виньярд — главарь местной организации скунхедов в одном американском городке, человек, несомненно убежденный в правоте своих взглядов, — попадает в тюрьму за убийство двух черных, попытавшихся залезть в его машину. Попав в тюрьму и просидев там полсрока, он замечает довольно дружественные отношения местной группировки белых с цветными; не выдержав подобного лицемерия, он разрывается со своими, за что и был довольно жестоко наказан. Ненароком в это время к нему заходит его бывший учитель истории из школы — черный. И вот этот учитель берется помочь Дереку... Помог. После выхода из тюрьмы человека как подменили — сказалась «черная» педагогика. Оказывается, что и младший брат пошел по его стопам, став скунхедом. Дереку приходится рассказать брату историю своего исправления от расистских взглядов. Брат на удивление быстро проникся — хватило, наверное, часов трех. Можно сказать, хэппи-энд, зло в лице лидера неонацистов наказано, семья Виньярдов воссоединилась, однако финал меняет акценты, и довольно существенно, — младшего брата убивает в школе негритенок. За то, что косо посмотрел. Дереку только и остается, что порыдать над трупом своего безвинно убитого брата.

Мораль, к которой нас старательно подталкивают создатели, очевидна — во всем виноваты «расистские заблуждения» Дерека, не будь их, не потянулась бы цепочка, приведшая к смерти брата. Стараются господа пропагандисты. Только зря — думающий человек отчетливо увидит реальное положение вещей, а факты очень волниющие...

Прошу прощения у читателей за излишнюю, возможно, обширность цитаты, однако мне это было необходимо для соблюдения «чистоты эксперимента». Издание это — журнал правой сцены «Отвертка», *«the voice of Blood and Honour»*,

как он себя рекомендует. Российские бритоголовые расисты не одиночка в своем мнении: по всему миру кинотеатры, в которых демонстрируется «Американская история Икс», зачастую переполненынаци-скинами. Смотревшие фильм, думаю, согласятся с тем, что такая его интерпретация имеет право на существование. Действительно, после просмотра остается ощущение, что фильм был снят самимицистами для собственной рекламы. Будем надеяться, что это не так, однако многое заставляет заподозрить здателей фильма если не в злонамерности, то, во всяком случае, в лицемерии, слеповатости и непонимании проблемы.

В погоне за натурализмом и логической объективностью авторы нарушают искомое равновесие: фильм перегружен нацистской символикой, прямой и косвенной агитацией, не имеющей никакого противовеса. Во всяком случае, более или менее мелких стычках не

менно побеждают белые, при этом в крупных столкновениях «победа» остается за их «противниками». Так, в самом начале фильма Дэнни — младший брат главного героя — без труда отбивает белого парня от напавших на него (трое на одного), «черных хулиганов»; в баскетбольном матче, в зависимости от результата которого спортивная площадка будет отдана белым или черным, побеждают белые; учитель, еврей по национальности, который пришел в гости к матери Дерека, удаляется посыпанный, не в силах хоть как-то постоять за себя и должным образом ответить на его хамски откровенный антисемитизм. Таким образом, на стороне «белых» живая сила и ум, но они не могут противостоять хитрому, совершенно немотивированному злу «черных». Конечно, о чем таком в фильме напрямую не говорится, но, заметил рецензент из «Отвертки», «думающий человек отчетливо увидит реальное положение вещей, а факт — очень волниющие». Действительно, отец Дерека и Дэнни гибнут по вине «черных», самого Дэнни убивают они же, причем еще и за хорошее дело — за то, что днем раньше он заступился за приятеля. Единственное же, что должно было произойти — это перерождение главного героя, которое происходит с ним в тюрьме. Надо отметить, что в пересказе «Отвертки» сюжет несколько искажен. Дерек работает в паре с чернокожим парнем: они сортируют белые мусорные баки. Работа скучная, поневоле разговоришься, хотя сначала Дерек отвечает общительному напарнику презрительным молчанием. Затем между Дереком и другими нацистами происходит конфликт на идеологической почве, однако потому, что Дерек перестал быть нацистом, а потому, что ссоры по его мнению, проявили беспринципность. Разругавшись «своими» и пройдя через страшное унижение, Дерек остается в изоляции, между двумя враждующими лагерями. В такой ситуации ему уже не до соблюдения чистоты взглядов, и он постепенно сходится со своим напарником. Стремление к дружбе, а также тот факт, что чернокожего человека осудили на шесть лет за кражу телевизора, а его, Дерека, за убийство двух человек — всего на три года, заставляет нашего героя задуматься и измениться.

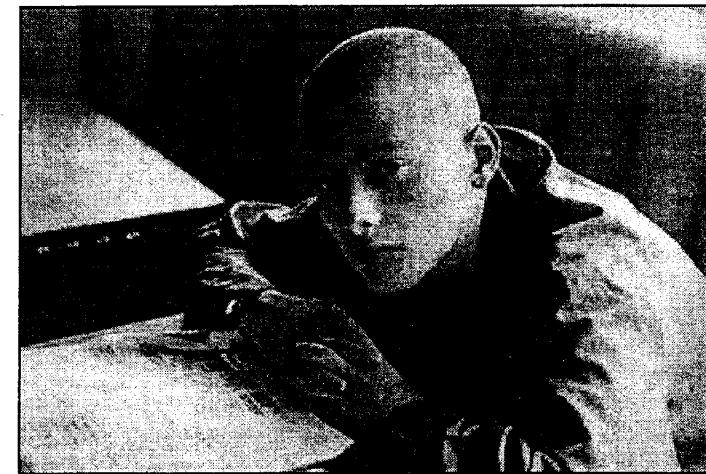
Казалось бы, все прекрасно: Дерек выходит из тюрьмы и так же легко перевоспитывает своего младшего брата. Но слишком уж легко это происходит, Станиславский сказал бы: «Не верю». Перерождение это фальшиво и неправдоподобно. Не то чтобы оно было невозможно в реальности — нет, просто показано это нам вяло и совершенно неубедительно, особенно по сравнению с яркими, детальными картинами нацистского быта и психологизмом и анализмом той части картины, где показано становление нацистских идей героев. Удивительно: самое важное в идеологическом плане место оказывается самым слабым в плане художественном. А самое сильное место в фильме, когда ужас, а кое-кого и восхищение, пробирает до костей, — это сцена, в которой Дерек зверским образом убивает двух чернокожих. Он уже слышит сирены полицейских машин, но не бежит, не прячется, а, гордый собой, встает во весь рост, с голым торсом, весь в нацистских татуировках, раскинув, как Иисус Христос, руки, переполненный чувством своей правоты и внутренней силы. Честное слово, момент настолько сильный, что начинаешь невольно сочувствовать главному герою. Представляется, что даже не самый убежденный нацист после просмотра этой сцены захочет пойти и с чувством, с толком, с расстановкой замочить кого-нибудь из своих врагов. И это антифашистский фильм?..

Читатель/зритель хорошо написанной книги или хорошо снятого фильма, как правило, отождествляет себя с главным персонажем, даже если для этого нет реальных оснований. Просто в пространстве художественного произведения мы не вольны выбирать, чьими глазами смотреть на мир. Если описывается жизнь какого-то определенного человека, то мы бессознательно будем сочувствовать ему и воспринимать окружающих его людей так, как это делает он. Разумеется, это вовсе не универсальное правило, но мне кажется, что оно применимо к этой картине. Во всяком случае, слишком многие нацисты относятся к фильму с одобрением.

Хороший сценарист или режиссер, задавшись целью снять антифашистский фильм, мог бы показать сложный процесс постепенного нарастания сомнений в собственной правоте и затем понимания правоты своих противников, мучительное прозрение и перевоспитание человеческой души. Создателей «Американской истории Икс» трудно обвинить в отсутствии таланта, казалось бы, они должны знать, как делается хорошее кино. Почему же получилось то, что получилось? Хочется верить, что фильм был снят с антифашистскими целями, поэтому остается одно: сценаристу Дэвиду Мак-Кенна и режиссеру Тони Кею не хватило не таланта, а четкости позиции и понимания того, о чем они снимают фильм. Выдвигать сейчас какие-то определения фашизма было бы крайне самоуверенно, но, как мне кажется, разговор об этом фильме выводит нас на одну очень важную проблему: что **не** есть фашизм, но что принято иногда ему ошибочно приписывать. Эта тема заслуживает отдельной статьи, поэтому прошу прощения за возможную конспективность изложения.

Антифашистов очень часто обвиняют в отсутствии «позитивной линии», причем почему-то чаще всего — философствующие модники из альтернативной тусовки, оторванные от реальной жизни. Однажды

мне даже привелось услышать предложение изобрести некую антифашистскую религию, отвечающую запросам мистически настроенного обывателя. Но где начинается мистика, там кончается разум, а «сон разума рождает чудовищ». Неправда, что у антифашистов нет «позитивной программы». Конечно, в самом слове «антифашист» за-

ключается отрицание, а не утверждение, но отрицание это направлено на фашизм, посягающий на самые основные человеческие ценности. Именно они и есть ценности антифашиста, и первой из них является свобода, без нее невозможны ни домашний уют, ни уверенность в завтрашнем дне, ради которой люди, по распространенному мнению, тянутся к тоталитарным партиям. Действительно, зачастую фашизм привлекает людей именно надеждой на спокойствие, которого они не имеют, но ведет фашизм лишь к войне и страданиям. Обещание разрешения всех проблем и установления порядка — лишь демагогия, приманка да еще удобная лазейка для тех, кто не желает признавать, что на самом деле в стройные ряды фашистов их тянет ненависть ко всему чужому и страх перед ним.

Есть еще один миф — о братстве, о чувстве локтя, привлекающих подростков в таких организациях, как, например, РНЕ. С июня 1999 года существует организация под названием «Демократическое молодежное единство», все члены которой когда-то состояли в РНЕ или других подобных организациях. Ее целью стала психологическая и социальная помощь тем, кто недавно порвал с фашистской идеологией и фашистским движением. Так вот, все ее члены в один голос заявляют, что в таких движениях и речи нет не только о дружбе и братстве, но и об организованном досуге: в подростках лишь разжигают ненависть к «врагу» и используют их в качестве бесплатной рабочей силы.

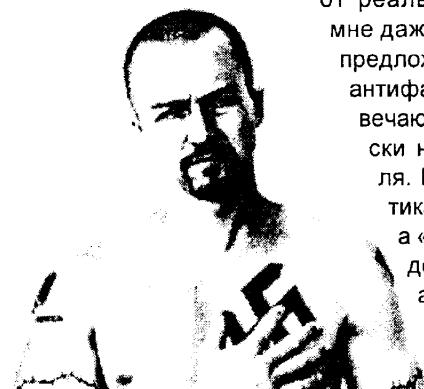
Чувствами, которые самом деле объединяют фашистов, являются страх и ненависть. Это важно помнить, если берешься за массовую пропаганду. Нельзя приписывать им то, что они сами используют в качестве подлой приманки. Нельзя изображать их такими, какими они не являются на самом деле, но какими сами пытаются изобразить себя.

В. П. Лопухова-Кирсанова

Ленокс-авеню

Дождливою ночью бреду.
В кармане — последние центы.
Приходят стихи на ходу —
С мечты миллиардной проценты.

Плевок из машины летящей:
«Эй ты, черномазая сволочь!»
Шептанье над городом спящим.
Ленокс-авеню, полночь.

ЧЕРНАЯ АМЕРИКА — БЕЛЫЙ РАСИЗМ

Процесс Мумии Абу Джамала в Соединенных Штатах привлекает внимание всего мира уже на протяжении почти 20 лет. Это очевидно сфальсифицированное дело, как когда-то дело Сакко и Вентетти, собирает на демонстрации во многих странах тысячи людей, став веским аргументом противников смертной казни и антирасистов.

Называемый «голосом безголосых» журналист Мумия Абу Джамал 3 июля 1982 г. был приговорен к смертной казни по обвинению в убийстве полицейского — без каких-либо серьезных доказательств и вопреки многочисленным найденным адвокатами алиби. Процесс носил ярко выраженный политический характер, а в оглашенном обвинении поводом для применения высшей меры наказания признавался также ряд цитат из политических интервью с Мумией и членство в партии Черных пантер.

Следствию был нужен не убийца, а именно Мумия: его главным делом был поиск доказательств жестокости и преступности полиции, преследовавшей американцев африканского происхождения.

С самого начала в следствии по делу Мумии допускались чудовищные нарушения. Один из свидетелей Мумии был арестован, а главная свидетельница обвинения через много лет после своего заявления перешла в свидетели защиты, признавшись в том, что она давала показания под давлением следователей, которые угрожали жизни ее детей. Почти 18 лет дату смертной казни постоянно пересматривают, утверждают и опять переносят, подвергая Мумии постоянной психологической пытке.

Дело Мумии — и исключение, и правило. Исключение — потому, что он был осужден на смерть как журналист, за свою политическую позицию. Правило —

потому, что то, что происходит с Мумией, происходит с черным населением Америки постоянно. В стране с 10 % черного населения 60 % приговоренных к смертной казни — афро-американцы. И лишь постоянная значительная финансовая и информационная поддержка мирового сообщества позволила пробиться «Голосу безголосых» и заставить многострадальную законодательную систему Америки «подписаться» в дискриминации черного населения.

Подробнее о деле Мумии Абу Джамала читайте в следующих номерах нашей газеты. □

Сон и рассвет в Алабаме

Я, черный, избитый, уснул на земле,
Уснул у огромной судьбы под ногами.
И снилась мне смерть — всех желаний светлей:
Меня ледяными обвила руками.

Меня прижимала к холодной груди,
Но не было холодно мне — а уютно.
«Забудь все невзгоды, обиды в пути», —
Она мне шептала. И сладко, и смутно,

И радостно стал я тогда понимать:
У белой женщины — негр-ребенок.
О, как я любил свою бледную мать!
О, как же я горько плакал спросонок!..

Зачем только снится такое всегда?
Зачем эта ночь с волшебными снами?..
Ведь снова идти и бежать — а куда?..
Огромный, ужасный рассвет в Алабаме.

Д.

Неволя и не-предел

Недавно мне пришлось увидеть, а затем и заставить себя прочесть два чрезвычайно похожих журнала, не случайно называющих себя «Трава и воля» и «Черный беспредел». Следует понимать, видимо, эти остроумные названия как аналогию с «Землей и волей» и «Черным переделом» — знаменитыми народническими изданиями 1860–70-х годов. Это скромное примазывание к истории русской революции сразу дает понять читателю, что авторы «Травы и воли» и «Черного беспредела» — настоящие партизаны-революционеры, с традициями, так сказать, хотя и не без новаторства, — недаром слово «земля» заменено на «трава» (так ведь гораздо современнее и даже более радикально!), а негромкое «передел» (опять же, кого нынче интересует какой-то там земельный вопрос или дележ!) становится вызывающим и таким романтично-уголовным: беспредел! Названия эти — первое, что вызывает огорчение у всякого не лишенного уважения к принципам революционной борьбы человека. Дело не только в несоблюдении элементарных приличий по отношению к серьезным и мужественным людям, верившим в революцию тогда, когда это слово еще не продавалось с любого рыночного лотка и не выкрикивалось любым жуликом и маньяком, людям, действительно жившим революционными идеалами и умершим за них. История революционеров-народников была и проклинаема, и восхваляема, и вновь проклинаема... Что ж, значит, и жалкую пародию современных «радикалов»

ничества. Гораздо хуже, что хамские эти названия, равно как и шутовское содержание журналов, отнимают всякий этический смысл у таких понятий, как освободительная борьба, социальное противление, анархия, революция. Словами же этими статьи и агитки журналов «Трава и воля» и «Черный беспредел» уснащены сверх всякой меры. А что остается от любого понятия, будь это хоть сама «свобода», если вычесть его этическую составляющую? «Эх, эх, без креста!» — блоковские двенадцать, банда уголовников. И это еще в лучшем случае.

А в худшем? Неожиданно ответ на этот вопрос можно найти в самом № 6 «Травы и воли», который мне и случилось прочесть. В худшем — это Азеф. Автор статьи «Предательство» Киреев задается неоригинальным, но всегда актуальным вопросом: как смог Азеф так долго работать провокатором-революционером и как могли эсеры так слепо верить в него? Киреев приводит хорошо известное описание гадкой внешности и повадок Азефа и остается в недогадании относительно того, что столь отталкивающая личность ни у кого не вызывала подозрений. Далее цитируется Кропоткин, рассказывающий о том, как в его время вычиляли шпионов: «Шпионы могут притворяться во всем, но только не в правилах нравственности». Киреев делает пропильный вывод: к началу XX в. революционеры перестали руководствоваться этическими (нравственными) критериями, что и сделало возможным их подчинение омерзительному провокатору Азефу.

Статья Киреева заметно противоречит другим материалам «Травы и воли», да и самому духу издания. Ведь едва ли не на каждой странице этого журнала мы встречаемся с тем или иным гимном безобразию, аморальности, отказу от всех человеческих ценностей и норм. Наиболее последовательно и даже порой привлекательно эта идеология излагается, конечно же, панками, вроде Рахмета, автора статьи «*Viva anarchy!*» (клише и всякого рода неоригинальность, видимо, тоже принадлежат к эстетике «Травы и воли»). Рахмет не стесняется в выражениях: «Бред об «общечеловеческих ценностях», «добре и зле» — признак нечестной игры. Ты прав всегда, когда ощущаешь, что ты — прав. В <...> бакуниных, кропоткиных, толстых, штирнеров и прочих анархошарлатанов». Пламенный призыв Рахмета в очередной раз сбросить всех и вся с корабля современности был бы самым ярким и, пожалуй, впечатляющим в своем роде материалом интересующего нас издания, если бы не полная сдача всех «антинравственных» призывов в конце статьи: «Я, например, был и есть коммунист, и светлый образ царства человека, переставшего быть андроидом и товаром... ставшего богом всемогущим... всегда маячит в сознании моем».

Так за что же тогда кропоткиных и толстых так далеко посыпать?!

В том-то и беда, господа радикалы, что не можете вы обойтись без идеалов, а значит, и без «добра и зла», «нравственности» и проч. И тут-то очень уместно напоминание Киреева об Азефе, о том, как опасно играть в любовь к безнравственности, не умея, однако, ни победить ее в себе, ни узнать в других.

Гораздо дальше Рахмета идет некто Василий, эпатаж которого значительно менее интеллигентен, чем у низвергающего ценности и кумиров Рахмета. Василий предлагает читателю свои «мемуары», более всего напоминающие об объявляемых в желтой прессе конкурсах «на самую грязную сексуальную биографию». Повествование Василия, в котором автор смаляет истории своих попоек и похождений с неизменным «весело было», принадлежит к тому же разряду «завлекалок», что и порнографические изображения, данные чрезмерно крупным планом, а также прославление наркотиков и пьянства, которые, очевидно, должны сделать «Траву и волю» приятнее и понятнее как самим творцам журнала, так и его читателям. Казалось бы, товарищу Василию не предъявишь обвинений в чрезмерном идеализме или недостатке беспричинности. Но вот что мы читаем в интервью того же героя «Черному беспределу»: «Современное общество мне не нравится хотя бы потому, что оно может стать лучше, но не хочет этого». (Умилительно, что рубрика, в которой помещено интервью, называется не как-нибудь, а «Пламенные революционеры».)

Вот ведь куда загнул: общество не хочет стать лучше! Ай-ай-ай! Но что значит — лучше? Лучше — это, выходит, опять из арсенала добра — зла, опять нравственность, общечеловеческие ценности! А ведь Василий предупреждал: «Гуманизм — это буржуазный предрассудок. В чистом и здоровом обществе не может быть гуманизма». Вот это понятно: «чистом и здоровом», тут ведь хорошее, или там «лучше», ни при чем; «чистое» и «здоровое» — медицинско-гигиенические, а не этические категории. Любимые, между прочим, фашистами, а не толстыми-кропоткиными. К фашистам, кстати, Василий «антагонизма не испытывает» (по выражению Довлатова): «Фашисты, наверное, хорошие парни, просто не туда их тянет. Им хочется приключений. Пускай они лучше идут в анархисты».

Опять «лучше»! Полюбилось Василию это слово! А почему «лучше» в анархисты? Может быть, самому Василию «лучше» — в фашисты? В чистую-здоровую жизнь...

Но нет, не фашизма жаждет душа как Василия (возможно, мифического), так и прочих из «Травы и воли» и «Черного беспредела». Душа жаждет — беспредела, уголовщины. Не только «пламенный революционер» в своем интервью хвастается богатым опытом грабежей и мятежей; оказывается, таких, как он, — нет, не десятки, держи карман шире — тысячи! Об этом не таясь рассказывает нам Вадик, автор материала «Черная гвардия» в «Траве и воле». Из этой, можно сказать, сенсационной статьи мы узнаем наконец, кто же убил и Листвева, и Холодова, и Маневича, и еще каких-то менее известных мэров, директоров фирм, «реакционных преподавателей вузов». Почему-то «гвардейцы» не названы лишь среди убийц Галины Старовойтовой, а всех остальных прикончили именно они. Почему именно Старовойтову они не захотели записать на свой счет, остается непонятным. Что, она «недостаточно реакционная»? А Холодов — достаточно?

Конечно же, масса взрывов, покушений и ограблений по всей России от Кремля до Сибири и дальше — дело рук только «гвардейцев». Вадик не делает секрета из всей этой кухни, прямо и просто рассказывает, как связаны между собой события в Тамбовской и Пермской областях, где тренируются тысячи гвардейцев, как достают деньги, торгуя наркотиками. Читая все это, невольно понимаешь, что власть в их руках, раз места встреч и характер преступлений открыто названы, а органы их не трогают — видимо, боятся!

Не менее жуткое впечатление производит и опубликованное в «Черном беспределе» в разделе «Новости» заявление некоей «НРА» об ответственности за взрыв у здания УВД Москвы 29 апреля 1998 года. Так и пишут: «Берем на себя ответственность». Видно, знают, что бояться им нечего. Так как же — нечего? Ведь те же самые журналы полны воплями и жалобами на беспричинные аресты, обыски, террор и провокации ФСБ. А где всесилие? Где тысячи вооруженных революционеров? Почему они охотятся за прогрессивными журналистами и какими-то преподавателями, а не за конвоирами своих соратников? Зачем бороться с директорами фирм, если не можете

Евно Азеф

защититься от контроля ФСБ? Если же предположить, что все «подвиги» Черной Гвардии — чистая выдумка, да и преглупая притом, то следует напомнить Вадику и иже с ним, что за примазывание к чужим преступлениям столь романтизуемые кое-кем уголовники по головке не погладят. Те, кто убивает директоров, знают, что и зачем они делают. Знают и что они за это получат, и чужие уверения в причастности к убийству им не нужны. А кому они нужны? Кому нужны убийства и исчезновения журналистов, взрывы в самых недоступных и охраняемых учреждениях страны, кому нужны «внутренняя угроза терроризма» и внешняя угроза со стороны международных бандформирований? Кому?

«Даже самая сильная власть перед лицом Черной Гвардии окажется бессильна. И бояться она будет не только черногвардейцев, но и того, кто у них за спиной», — заканчивает статью Вадик.

А кто у них за спиной? Недаром вспоминается Азеф.

Эх, Бурцева на вас нет!

Время интернационализма?

Когда ты допускаешь, что надежды не существует, ты самым обеспечиваешь отсутствие надежды. Если ты думаешь, что существует инстинкт свободы и что есть шанс изменить порядок вещей, тогда надежда возможна, можешь бороться за надежду и строить лучший мир. Это твой выбор.

Ноам Хомски

В двадцатом веке образ западной экономической и повседневной культуры распространился по всему миру. Считается, что, когда западные стандарты будут восприняты массами, с отсталым прошлым будет покончено. Международные властные структуры приступают к осуществлению своих честолюбивых планов, устранивая все существующие на этом пути препятствия. В то же время правящая элита крупных стран и больших корпораций из всех сил старается защитить свои монополии и ввести серьезные ограничения в сфере экономики и политики. Многие проблемы умышленно не решаются, а некоторые даже усугубляются применением террора и злоупотреблениями властью. Подобная ситуация уже требует внимания антифашистов.

Разговор о проявлениях фашизма, не связанный непосредственно с историческими примерами, затрудняется различиями в понимании этого явления. К сожалению, все еще часто случается, что к антифашизму относят некие идеи и установки, связанные с неверными и опасными в политическом плане теориями. Нередко это приводит даже к исключению и бойкоту тех людей, которые находят в себе мужество отказывать определенным организациям в праве называть себя антифашистскими. Увы, двадцатый век показал, что любая идеология может привести к жестокости, хотя, разумеется, одна больше, другая меньше.

Антифашистский интернационализм в силах преодолеть ложь, отчуждение и непонимание, которые разделяют людей разных стран и разного происхождения. Он способен открыть более верную картину происходящего в мире и позволяет сравнивать и заимствовать друг у друга методы борьбы, часто путем прямого, личного контакта. Заключительным шагом, разумеется, становится практическая деятельность, поддержка и солидарность в отношении тех, кому нужна помощь, или тех, с кем мы считаем возможным объединиться.

В этой статье я хочу привести примеры антифашизма и связанного с ним интернационализма — примеры, из которых антифашисты могут извлечь важный урок.

Из истории

Антифашистский интернационализм уходит корнями в период между мировыми войнами. В это время главной проблемой был правильный политический выбор: за или против большевизма, за или против фашизма. Как ни удивительно, многие интеллектуалы встали на сторону той или иной тоталитарной системы и ее представителей. Самым трогательным моментом была, конечно, гражданская война в Испании, в которой сражались тысячи убежденных добровольцев. Одним из таких добровольцев была анархистка Эмма Голдман, пожилая американка еврейско-российского происхождения. В 1936 году она присоединилась к анархистскому профсоюзу «Национальная конфедерация труда» (FAI), который только что организовал революцию в Каталонии и Арагоне в ответ на мятеж испанской армии. В то время самым крупным и значительным профсоюзом Испании была анархо-синдикалистская организация CNT. Решение CNT взяться за оружие и вопреки анархистским принципам поддержать республиканское правительство было уникальным примером антифашистского выбора в Барселоне, если только чтобы

вместе противостоять угрозе фашизма. Анархисты в других странах весьма скептически отнеслись к решению CNT, которая выступала в роли реальной политической силы и делала все возможное для защиты свободы. Голдман осуждала не только этих анархистов, критиковавших CNT, так и тех из испанских анархистов, кто симпатизировал испанским сталинистам Советскому Союзу, поддерживавшему последних.

Эмма Голдман уже не впервые участвовала в революционной деятельности. В 1919–1922 годах она жила и работала в России. Только после кронштадтского восстания она перешла в открытую оппозицию большевикам, что привело к изгнанию вместе с ее соратником Александром Беркманом. Они были не первыми, кто отверг большевистский режим, у

Эмма Голдман

дев в нем новую кровавую диктатуру; факты такого рода были известны западным интеллигентам и интеллектуалам. Тем не менее многие западные интеллектуалы продолжали поддерживать советскую систему, особенно после 1933 года, когда Коминтерн начал антифашистскую кампанию.

Многие западные писатели и известные деятели культуры дали в Советский Союз и другие коммунистические страны, сожмем в Китай и на Кубу. Эти люди, известные как «попутчики», помогали создавать и поддерживать миф, согласно которому советская система была наилучшей для всех граждан. Такие «попутчики», как французский философ Жан-Поль Сартр, британский писатель Джордж Бернард Шоу и голландский кинематографист Йорис Ивен, приветствовали «железный» идеал социализма, надеясь, что он разрушит буржуазную реальность, в которой они жили. Протяжении 1930-х годов «попутчики» настолько преобладали на левой культурной сцене, что критически настроенные писателям, например англичанину Джорджу Оруэллу, было весьма трудно издавать свои произведения. Совершенно ясно, что просоветская позиция была ошибкой со стороны западных антифашистов. Опасность поддержки одной из сторон в конфликте великоважных систем заключается в грубом небрежении принципами за счет выигрыша в силе. В такой позиции видна слабость, неспособность быть независимым и свободным. Это предупреждение тем, кто выбирает политику противоборства вместо стремления преодолеть политические, культурные и социальные барьеры.

В качестве положительного примера, и притом не относящегося к западной истории, можно привести борьбу с апарtheidом в Южной Африке. Несмотря на то, что холодная война серьезно влияла на политическую ситуацию в Южной Африке, и в большой степени поддерживала сохранение режима апартеида как борьбы между черными коммунистами и белыми капиталистами, в истории движения против апартеида проявились благородие, мужество и трезвое мышление его участников. Африканскому национальному конгрессу и движению против апартеида была оказана мощнейшая международная поддержка, проявившаяся и в жестких экономических

культурных бойкотах. Черные политические и религиозные лидеры, также как и белые диссиденты, пользовались известностью и уважением на Западе. В конце концов режим апартеида разрушился изнутри, и вместо кровавой гражданской войны, к которой было готово большинство населения, произошла социальная революция.

Интернационализм среди западных антифашистов сегодня

Возросший информационный поток и возможности сотрудничества людей из разных стран привели к возникновению различных форм антифашистской международной деятельности. С помощью современных средств массовой информации, благодаря репортажам в новостях по всему миру, любая акция может произвести сенсацию. Распространению прогрессивных идей в различных странах способствует то, что среди современных популярных музыкантов и известных деятелей культуры немало антифашистов и критически мыслящих людей, чья точка зрения становится известна очень многим. Повышение уровня жизни и сокращение рабочего времени на Западе способствовали улучшению образования и большей мобильности граждан стран Запада, что позволяет им пересекать границы и работать в качестве добровольцев в других странах.

В Европе идея объединения определяет современное понимание интернационализма. Национальные правительства, особенно социал-демократические, со своей стороны делают все возможное для укрепления мира и дружбы между европейскими народами, принимающими участие в объединении. С другой стороны, во всех странах Европы широкую поддержку получило движение против объединения и социальных и политических недостатков структур и политики ЕС. В качестве примера того, как сопротивление преодолевает политические и культурные барьеры, можно привести проходившую в различных европейских странах «пограничную» кампанию против иммиграционной политики ЕС и ее фатальных последствий. Общественный интерес вызывают и акции против депортации беженцев и иммигрантов, объектом которых становятся как сами европейские правительства, так и авиакомпании, принимающие участие в высылке беженцев. Такие акции ведут к росту сознательности среди европейских граждан.

Все более важным фактором становится Интернет. Несомненно, Интернет предоставляет целый спектр новых возможностей, особенно в силу того, что освобождает информацию от цензуры. С другой стороны, и у Интернета есть свои границы: он не достигает территории вне сферы западного развития, например сибирской деревни или африканского города. В этом смысле Интернет тоже становится частью масс-медиа, рекламируемой реальностью. Для западных антифашистов Интернет все еще остается главным местом, где можно найти все важные группы, всю важную информацию и возможность связи с теми, кто еще не участвует в движении.

Особый подход к антифашизму исповедуют европейские автономы и анархисты. Хотя характер и структура этих движений отличаются в разных странах, безусловно существует и чувство общности, и возможность одновременной мобилизации на международные акции. Это хорошо видно на примере акций, проводимых «Антифашистским действием» в Скандинавии, когда шведские, норвежские и датские активисты участвуют в организованных их единомышленниками в соседней стране демонстрациях и даже организуют и координируют общие мероприятия, что порой приводит к совместным путешествиям сотен активистов на расстояния в 500–1000 километров. Другой пример — взаимодействие голландского и немецкого «Антифашистского действия» в недавнем прошлом, когда специальные, созданные только на время подготовки акций группы организовывали общие демонстрации. Единение антифашистов во время этих мероприятий проявлялось и в общих двуязычных публикациях и пресс-релизах.

Важную роль в западном антифашизме играют так называемые движения солидарности. Эти движения по большей части имеют левую ориентацию и сосредоточены в основном на отношениях Севера и Юга. Некоторые из представителей подобных движений действуют против западных предприятий, которые эксплуатируют рабочих в таких странах, как Китай, Индонезия и Вьетнам, нарушая права человека. Некоторые же выступают от имени революционных движений в других странах, особенно в Южной Америке.

Интернационализм силен и в более традиционных антифашистских и правозащитных структурах; вспомним ассоциации «Amnesty International» и «Searchlight», обе расположенные в Лондоне — после тридцати лет деятельности они не стали слабее. «Amnesty International» — особенная организация, это ясно и из различного происхождения ее членов, и из степени интенсивности ее деятельности. Хотя «Amnesty» сохраняет почти неизменной технику работы и ограничивается принципами прав человека, ее не удалось заманить в идеологические окопы холодной войны: она одинаково противостояла югоамериканским и восточноевропейским диктатурам. «Searchlight», конечно, гораздо менее масштабная организация, но качество работы антифашистов этой ассоциации — отслеживание и выведение на чистую воду проявлений фашизма и фашистских связей по всей Европе — убеждает в важности такой деятельности. Работа нескольких десятков увлеченных активистов и журналистов нанесла серьезный урон неонацистским и фашистским движениям по всей Европе и в США.

Критика интернационализма среди восточноевропейских антифашистов

После крушения советской системы с ее декларативным антифашизмом и интернационализмом возникли новые формы антифашистского интернационализма. Один из ярчайших примеров этого — солидарность как членов АМД, так и российских анархистов с их товарищами в Беларуси, проявившаяся в организации интербригад для участия в антилукашенковских демонстрациях в Минске. Несмотря на то, что антифашистскому движению пришлось начинать с нуля и оно сталкивается с серьезными проблемами в поисках самоидентификации, связи налаживаются и идет интенсивное обсуждение проблем. Создаются единые структуры поверх старых и новых границ. Хотя связи между антифашистами разных стран — польско-литовские, чешско- словацкие или российско-белорусские — кажутся исторически предопределенными, не следует забывать, что в действительности политические границы сегодня отражают самые различные процессы.

Влияние Запада, несомненно, стимулирует интернационализм, поскольку Восточная Европа часто рассматривается все еще как блок, а не как совокупность разных стран. Западные денежные мешки обращаются с Восточной Европой как с единственным целым, тем самым способствуя сотрудничеству. Западный образец, в соответствии с которым большие страны доминируют над малыми, может создать трудности для европейских антифашистов-интернационалистов. Западные партнеры часто отказываются вкладывать деньги и усилия в то, что не совпадает с их интересами. Слабость многих восточноевропейцев заключается в их зависимости от западных денег и в том, что они идут на компромиссы, строя свои проекты и структуры по западным стандартам.

Интернационалистские идеи и инициативы из Восточной Европы нередко идут вразрез с идеями западных антифашистов. Большинство западноевропейских антифашистов — часто выходцев из левой среды — не способны иметь дело с твердой прокапиталистической позицией, которую разделяют российские активисты из АМД, польские панки-анархисты и чешские интеллектуалы. С другой стороны, поддержка силовой политики НАТО, характерная для многих российских демократов-антифашистов, не может не пятнать их

16
репутацию. Так же остается открытым вопрос о том, насколько осмысленно имеющее место в России соотнесение деления на правых и левых с реалиями европейского и англоговорящего мира.

Российские левые антифашисты, похоже, весьма охотно идут в тот же самый тулик, что и их западноевропейские коллеги. Пропагандисты азиатских коммунистических диктатур и пророки, вещающие о всемирном капиталистическом заговоре, обречены на политическое одиночество. Отсутствие воли к самокритике и отказ признать и осмыслить историю советской системы и марксистско-ленинской идеологии накладывают серьезные ограничения на возможности развития левого антифашизма. Гораздо более обнадеживают попытки анархофеминисток с Кубани придать новое значение западной идеологии женской эмансипации или усилия левых панков в Питере противостоять фашизму и наци-панкам в своей субкультуре.

Интернационализм с Севера на Юг и с Юга на Север

На протяжении двадцатого века не раз менялись обозначения традиционных различий между бедными и богатыми странами планеты: сначала это были монополии и колонии, затем развитые и развивающиеся страны и, наконец, богатый Север и бедный Юг. Эти определения полезны, если мы обсуждаем развитие государств и национальных экономик, ориентируясь на западные стандарты. Размышляя таким образом, можно говорить о России как об исключении, бедной стране, принадлежащей к числу «лидеров» — большой восьмерке. Говоря о других регионах, важно помнить, что во многих бедных странах Юга лидеры государств и местные руководители осуществляют террор и угнетение в отношении народа или повторствуют такому угнетению. Так происходит и в «коммунистическом» Китае, и в «капиталистической» Индонезии. Это остается проблемой первостепенной важности для антифашистов-интернационалистов.

Разнообразие культур и национальностей, населяющих Юг, слишком велико, чтобы сводить их к абстрактным понятиям, легко укладывающимся в некую политическую доктрину. Конечно, почти везде можно найти отдельных интеллектуальных представителей западной культуры или даже приверженцев марксистских идеологий. Для облегчения понимания иногда удобно прибегать к экономическим сравнениям, но означает ли более высокий в Ливии, чем в Сенегале, уровень жизни, что ливийцы живут в лучших политических условиях? Необходимо сознательное противостояние геополитическим тенденциям, которые ведут к региональным войнам, поддерживают диктатуры и авторитарные режимы или еще как-то нарушают основные права людей.

Отношения между западными антифашистами и политическими движениями Юга уходят корнями в XIX век, к первым критикам колониализма и его последствий. Усилия борцов с колониализмом привели к тому, что стала оказываться государственная помощь развивающимся странам и возникла религиозная и гуманитарная благотворительность. Более того, антиколониализм заложил основы борьбы против западных транснациональных корпораций, которые продолжают эксплуатацию природных и трудовых ресурсов Юга, точно так же как и в колониальные времена. Развитие средств связи и транспорта в XX веке привело к интенсивному культурному взаимодействию между южными и западными странами; туризм с Запада и иммиграция с Юга также упрочивают культурные и социальные связи. Сегодня становится все яснее, что

и вызывает проблемы в самих западных странах в виде большого числа беженцев, ищащих мира и благополучия, разрешенного теми, кого поддерживал Запад. Для примера можно взять хотя бы движение Талибан в Афганистане.

Отношения между российскими антифашистами и политическими движениями Юга очень ограниченны. Взаимопониманию мешают разрыв с советским прошлым с одной стороны, марксистская ориентация многих интеллектуалов Юга с другой и неверная оценка новой расстановки сил. В это препятствует контактам наподобие тех, что имеются между Югом и Западом. И все же можно сказать, что внимание к непростой ситуации в Закавказье и Центральной Азии и сочувствие ей отражают совершенно новое чувство интернационализма. Жаль, что китайские и вьетнамские диссиденты, будучи борющимися с марксистско-ленинскими диктатурами, усвоенные Советским Союзом и составляющими поэтическую часть политического наследства России, пользуются гораздо меньшей поддержкой.

Во многих случаях россиянам легче понять ошибки некоторых движений, которые провозглашают освободительные цели, но на деле идут к установлению нового кровавого режима. Хорошим примером такого движения является Рабочая партия Курдистана (РПК), созданная в свое время Кемалем Ататюрком. Многие западные левые и антифашисты поддерживают РПК, ее голодовки и демонстрации. Некоторые «милитантские» (воинствующие левые) даже записались в партизанские отряды РПК. Российским же антифашистам ясно, что ставить подпись под марксистской РПК нельзя, поддерживать ее нужно бороться: достаточно посмотреть на роль лидера партии Оджаана и ее прямые связи с КПРФ и ЛДПР.

Даже если отправиться еще дальше в Мексику, и рассмотреть борьбу между «демократическим» партизанским движением EZLN (см. «Тум-балалайка» № 5) и коррумпированным правительством, поддерживаемым США, нельзя не заметить, сколь глупую роль играют в этом западные левые антифашисты. Европейские и американские марксисты душат борьбу индейцев за выживание за собственный традиционный образ жизни, называя это предательством, но на деле лишь ища выгоды для себя. Очень понятно, что EZLN предпочитает общаться с институционализированными социал-демократическими и коммунистическими партиями в Европе и оппозиционными партиями в Мексике, совесть которых нечиста, и отказывается принимать эту политику и поощрять критический подход к своим партнерам.

Необходимо, чтобы каждый антифашист-интернационалист был непредубежденным и свободомыслящим человеком, необходимо высказывать критические суждения и стремиться к истине в обсуждении глобальных вопросов. Вместе мы можем сформулировать ответы на становящиеся все более актуальными проблемы войны, распада общества и последствий.

Определения и другие вопросы, требующие обсуждения

Словарь скажет вам, что интернационализм — это идея практика сотрудничества и взаимопонимания на благо наций. Проблема для антифашистов состоит, конечно, в использовании слова «нация», так как мы знаем, что это слово может служить инструментом исключения отдельных членов общества. Некоторые говорят, что в конечном итоге интернационализм — это дружба между народами. К сожалению, межкультурные различия в понимании слова «дружба» могут привести к неравенству во взаимоотношениях. Эта проблема будет решена, если принять, что интернационализм —

Демонстрация
анархистов-антифашистов

признание равенства всех людей. При этом остается вопрос, что делать с существующими различиями между народами, такими как язык, религия/идеология, нравы и так далее.

По моему мнению, антифашизм может вырасти только из чистой совести, и эта совесть должна быть свободной и не стесненной никакими границами. Чтобы убрать эти границы, необходимы внимание и взаимопонимание. Поскольку языки также создают границы, антифашисты должны стремится к многоязычию. Эсперанто и публикация текстов западными антирасистскими группами на нескольких языках одновременно — вот хорошие примеры такого подхода. В так называемых толерантных обществах Западной Европы, где иммигранты и неиммигранты живут отдельно, хотя и рядом, интернационалист также должен заботиться о представителях других частей света, обитающих по соседству.

Сектантство и догматизм могут стать барьераами между разными по происхождению людьми, а в худших случаях приводят к дискриминации. Особенно на Западе люди часто ограничивают самих себя традиционными стереотипами класса, религии или «милитанства». Такие левые движения, как движение сапатистов, претендуют на роль авангарда всемирной борьбы за освобождение коренных народов и бедняков. То, как они боролись и борются за права жителей региона Чьяпас в Мексике, одной из самых бедных и эксплуатируемых частей света, можно, несомненно, считать положительным примером и серьезной попыткой демократизации партизанского движения, которое прежде находилось в плена марксистско-ленинских догм.

Большинство из тех, кто работает с организациями из других стран, ясно понимают, насколько важны знание и взаимопонимание, открытость навстречу различиям и сложностям в соединении с критическим подходом. В этой связи хочется вспомнить недавно умершего голландского антифашиста Карла Макса Крайгера, который был знаменит как своим острым языком, так и готовностью обсуждать с другими любой вопрос в любой точке планеты. На протяжении десятков лет Карл переписывался с сотнями людей, главным образом с активистами анархистского движения. Он продолжал задавать вопросы себе и другим, благодаря чему смог стать более правдивым и заслуживающим доверия человеком, чем кто бы то ни было из известных мне интернационалистов.

Многие антифашисты-интернационалисты склонны заимствовать элементы идеологий, распространенных в других странах, и применять в своей практике методы и технологии других групп. Некоторые группы и отдельные активисты даже делают все возможное, чтобы экспортировать свою «формулу» в другую страну. Конечно, хорошо, что старые инициативы таким образом могут получить новый импульс, но слишком часто это приводит к одностороннему движению и к странным, фальшивым отношениям. Связи между западно- и восточно-германскими антифашистами наглядно это показывают: мощный импульс солидарности со стороны Запада против роста восточно германского неонацистского движения привел также к принятию западной левой идеологии, которая свела на нет традиционную для восточно германских диссидентов и антифашистов критику коммунистического прошлого Восточной Германии.

Наконец, результатом интернационализма должны стать солидарность и сотрудничество, взаимоотношения вместо односторонней благотворительности, которая на деле служит только экономическим и религиозным интересам — за исключением тех случаев, когда она основана на личных связях. Необходимо думать и о спонтанных индивидуальных актах, политических и культурных обменах, международных сетях и движениях. Примером подобных индивидуальных действий было забрасывание бутылками французского консульства в Амстердаме активистами антифашистского движения во время последних ядерных испытаний на атолле Муруроа.

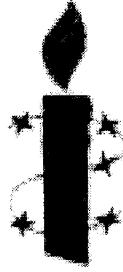
В Западной и Центральной Европе очень популярны поли-

тико-культурные программы обменов, в рамках которых активисты, музыканты, художники ездят из одной страны в другую. Это открывает новые подходы к старым проблемам и облегчает вовлечение новых людей. Антифашисты из чешского города Брно организовали такую программу вместе с антифашистами из голландского города Уtrecht.

Международные сети и движения

Антифашисты используют самые разные способы работы, в зависимости от различий в понимании проблемы фашизма. Я хочу рассмотреть отдельные аспекты способов работы некоторых из антифашистских сетей, с которыми мне пришлось иметь дело, и высказать общие критические замечания по этому поводу.

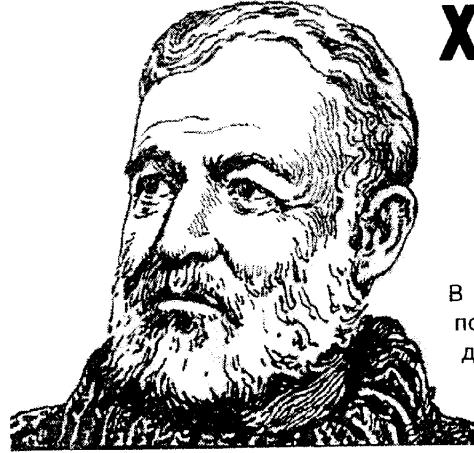
Необходимо, чтобы международные сети служили прежде всего целям интернационализма. Лучшие примеры такого рода — это, конечно, правозащитные сети вроде «Amnesty International», в которых группы из одной страны всегда прямо участвуют в решении проблем другой страны, когда требуется их вмешательство. Большой минус «Amnesty International» состоит в довольно прямолинейном способе ее работы. Симпатичная международная анархистская сеть «A-info», напротив, оставляет на усмотрение читателей, реагировать ли им на некоторые требующие солидарности проблемы (например, когда кто-то оказывается в тюрьме). К сожалению, сеть «A-info» очень маленькая, а группы публикуют свои бюллетени на разных языках: английском, французском, испанском, итальянском, немецком.

Далее, существуют сети, объединяющие совершенно разные группы: например, «United», европейская сеть против национализма, фашизма и расизма, и «Peoples Global Action» (PGA), глобальная антикапиталистическая сеть с ясно сформулированными антифашистскими и антирасистскими принципами. «United», расположенная в Амстердаме, прилагает особенно большие усилия для установления связей в Восточной Европе, организуя различные встречи в центрально-европейских городах с участием активистов из бывших советских республик. К сожалению, вследствие недостатка финансирования деятельности в Восточной Европе она все больше превращается в западноевропейскую организацию лоббистов. Перед PGA таких трудностей не возникает, так как она зависит лишь от участвующих в ней групп и организаций. Несмотря на первоначальную поддержку со стороны украинских Хранителей Радуги, ни на одной из последних встреч PGA не присутствовали восточноевропейцы, что прямо говорит о главном недостатке этой сети: ей не удается преодолеть геополитические границы, и, похоже, она остается в рамках риторики антиимпериалистического сопротивления постколониальной эпохи. И все же можно сказать, что PGA делает большой шаг в объединении активистов и создании открытого для дискуссий и инициатив пространства, которое должно служить укреплению международной солидарности.

Исключительно интернационалистской антифашистской сети пока не существует, хотя на протяжении нескольких лет имели место несколько встреч между различными европейскими группами. Понятно, что в каждой европейской стране своя ситуация, хотя многие проблемы антифашистских групп и дискуссии между антифашистами на самом деле имеют много общего. Всего труднее бывает, когда одни группы пытаются навязать другим свою волю. Тем не менее солидарность, интернационализм, международное сотрудничество и взаимная поддержка остаются важнейшими характеристиками антифашизма.

Хемингуэю — 100 лет

В июле 1999 года исполнилось 100 лет с дня рождения Эрнеста Хемингуэя. Его представлять излишне. Это один

из лучших писателей XX века, чья работоспособность, прекрасная память, независимость суждений, личная смелость, любовь к природе и людям определили его биографию, долгий путь к признанию и неповторимый стиль его произведений. Ему не требовалось решать для себя вопросы предпочтения национальностей, рас, образования, приверженности к той или иной религии: всего этого для него не существовало; он любил или не любил людей независимо от их происхождения, социальной, религиозной или иной принадлежности — важно было лишь присущее им человеческое достоинство.

Единственное исключение представляли люди, которым богатство разрешало определять политику, навязывать ее сверху «простым» людям. В этом отношении Хемингуэй, несомненно, был левым. Восемнадцатилетним юношей он отправляется в Италию на один из фронтов Первой мировой войны. Там, в Италии, он был тяжело ранен. Затем работает репортером «Торонто дейли стар» в Канаде. Заимствует от всех, кто знает или умеет больше его, то, что оценивает как правильное, и никогда не позволяет себе публиковать недостаточно доведенную статью, стихотворение или прозаическое произведение, будь то корреспонденция, миниатюра или роман. Он много читает: «Прочитал всего Тургенева, все вещи Гоголя, переведенные на английский, Толстого... и английское издание Чехова. Чудесный мир, который дарили тебе русские писатели. Сначала русские, а потом и все остальные». Как журналист, но не репортер, он командируется редакцией газеты на главные конференции того времени (1922 год): в Генуе, в Кельне, в Муданни и Константинополе, в Лозанне. В результате он побывал в Италии (две статьи об итальянском фашизме: «Фашисты — это отродье зубов дракона, посаженных в 1920 году, когда казалось, что вся Италия может стать большевистской... они привыкли к безнаказанному беззаконию и убийству и считали себя вправе бесчинствовать, где и когда им вздумается»); в Германии, где крайне правые «продолжали убивать, систематически уничтожая как революционеров, так и либералов все теми же методами... убийства»; во Франции, где стал свидетелем «конца великой военной авантюры» (греко-турецкой войны), приведшей к тому, что «ужасающая волочащаяся процессия людей, изгнанных из своих домов, продолжает непрерывной лентой двигаться по дороге в Македонию». В Лозанне он много работает, знакомится с рядом выдающихся журналистов (в их числе Линкольн Стефанс, «разгребатель грязи»), там он пишет шесть миниатюр, в которых, так же как в шести стихотворениях, опубликованных в 1923 году, предельно лаконично изображены некоторые проблемы, вставшие перед его поколением, пережившим Первую мировую войну. Этой теме — человек перед лицом смерти — посвящено и все последующее творчество Хемингуэя.

Конференции в Муданни и в Лозанне продемонстрировали абсолютный контроль властей над источниками новостей: журналистам выдавали лишь официальные коммюнике о заседаниях, на которые их не допускали. Так же обстояло

Сражаясь с фашизмом всюду, где можно было воевать с ним, я не испытывал никаких сожалений — ни литературных, ни политических.

Э. Хемингуэй, 1940

дело и с прессой: все европейские правительства имели специальные секретные фонды для субсидирования газет. Об этом писал Хемингуэй в одной из статей о положении в южных регионах Германии, в Рурском бассейне, оккупированном Францией. «Коммерческая война», которую Франция вела в 1923 году, послужила причиной чудовищной инфляции в Германии. Иностранные журналисты видели, что за год стоимость номера в гостинице возросла с 600 до 150 000 марок, но при этом не хотели замечать трагического положения рядовых немцев. В Германии Хемингуэй разглядел людей, умиравших от голода в собственной постели. Эти несчастные ненавидели не только оккупантов, но и собственных богатеев, вступивших в альянс с иноземными. Большинство рабочих Рура, пишет он, коммунисты, которые под влиянием фашистов становятся национал-социалистами. «Похоже, что авантюра с Руром близится к концу... Она принесла страдания множеству людей. Вопрос заключается в том, усилила ли она Францию?» «Французское правительство истратило (по официальным данным) 160 миллионов франков на оккупацию, и рурский уголь обходится Франции в 200 долларов за тонну». Так 23-летний журналист сумел прийти к заключениям, до которых не додумывались зрелые политики. За спиной премьера Пуанкаре он четко различил Доде, главаря французских фашистов.

Порвав с журналистикой, уйдя с головой в литературное творчество, Хемингуэй вскрыл ряд первостепенных, важнейших для человека вопросов, очистив их от поверхностных, наносных влияний. «Того, кто работает и получает удовольствие от работы, нужда не огорчает... Мы причисляли себя к избранным, а те, на кого мы смотрели сверху вниз и кому с полным основанием не доверяли, были богатыми». Хемингуэй «хотел стать великим писателем... был уверен, что станет им»; он был абсолютно честен и неподкупен, хотя ему приходилось питаться сушеным картофелем с луком и кагором, разбавленным водой. Весной 1927 года он совершил поездку по Италии. В очерке, посвященном этому путешествию, отвращение Хемингуэя к царившему там фашистскому режиму, к Муссолини сквозит в каждом слове. В 1933 году, посетив любимый им Париж, Хемингуэй понял: «Что заставляет вас действительно чувствовать себя плохо, так это то, как спокойно здесь все говорят о будущей войне. С этим смирились и принимают это как должное». Зная беспринципность европейских «демократических» правительств, он призывает США держаться в стороне. Он предупреждает, что реакционные силы Испании готовятся в недалеком будущем к наступлению. В январе 1936 года в статье «Крылья над Африкой», посвященной нападению подмятой Муссолини фашистской Италии на Абиссинию, Хемингуэй пишет: «Долго любить войну могут только склоняя и генералы, штабные проститутки. Им в военное время жилось как никогда, и нажиться они тоже сумели как никогда». В это время в самой Италии те, «кто пробовал раскрывать рот, жестоко поплатились за это: одних убили, другие томятся в тюрьме на Линарских островах, а третьим пришлось покинуть родину». Хемингуэй желал тем рабочим и крестьянам, которых послали в Абиссинию, чтобы они до конца поняли, кто их враг и повернули штыки в сторону Италии.

Еще в 1935 году в статье «Заметки о будущей войне» Хемингуэй писал, что Вторая мировая война будет развязана гитлеровской Германией и муссолиниевской Италией в 1937 или 1938 году. «Минувшую войну выиграли союзники, но в марширо-

вавших на парадах полках были не те солдаты, что воевали. Те солдаты мертвые. Было убито более семи миллионов... Гитлеру не терпится развязать в Европе войну. Он бывший ефрейтор, и в этой войне он не будет воевать — только произносить речи».

18 июля 1936 года началась генеральная репетиция предсказанной войны: фашистский мятеж в Испании. Народ подавил его вначале, все передовое человечество принялось формировать интернациональные бригады в помощь республике, установившейся в Испании только в 1931 году. Однако военное положение республиканцев становилось угрожающим: фашисты наступали на Мадрид. В январе 1937 года Хемингуэй, заняв 40 тысяч долларов, закупает санитарные машины и медицинское оборудование, включая группу «Современные историки», куда вошли Дос Пасос, Лилиан Хелман и Мак-Лиш, которая должна была обеспечить финансирование съемок документального фильма о войне в Испании. Он принимает приглашение объединения североамериканских газет стать их штатным корреспондентом и 27 февраля отывает в Европу. Барселона, Аликанте, Валенсия, Мадрид (отель «Флорида»)... Хемингуэй почти все время проводил в поездках на фронт, особенно на те его участки, где сражались интернациональные бригады: «Ты чувствовал себя участником крестового похода... это было чувство долга, принятого на себя перед всеми угнетенными мира, чувство, о котором так же неловко и трудно говорить, как о религиозном экстазе, и вместе с тем такое же подлинное, как то, которое испытываешь, когда слушаешь Баха, или когда стоишь перед Шартрского или Лионского собора и смотришь, как падает свет сквозь огромные витражи, или когда глядишь на полотна Мантены, и Греко, и Брейгеля в Прадо. Оно определило твоё место в чем-то, во что ты веришь безоговорочно и безоглядно и чему ты обязан был ощущением братской близости со всеми теми, кто участвовал в нем так же, как и ты».

Все это время Хемингуэй встречается с огромным количеством людей — руководящими офицерами, контрразведчиками, журналистами, официантами и множеством друзей из сражавшихся на фронтах. «Война — ненавистное дело. Она оправдана только как самозащита». Все это нашло отражение в единственной пьесе Хемингуэя «Пятая колонна» и в замечательном романе «По ком звонит колокол». В статье «Время — сейчас, место — Испания» он призывает правительство США отказаться от нейтралитета, к которому сам не так давно призывал, продавать республиканцам оружие — тогда фашизм можно будет разбить на испанской земле, а иначе вскоре придется иметь дело с объединенными силами фашистов Европы. В другой статье он обвинял профашистски настроенных чиновников США, которые отказывали «испанскому правительству в праве покупать оружие, чтобы защитить страну от немецко-итальянской агрессии», в третьей он нападал на Чемберлена и французских министров, предающих не только республиканскую Испанию, но и Англию и Францию. Призывая Рузельта поддержать Испанию, он предсказывал начало большой войны в Европе не позднее лета 1939 года. Он также написал множество рассказов («В рассказах о войне я стараюсь показать все стороны ее, подходя к ней честно и неторопливо и исследуя ее с разных точек зрения») и короткую новеллу-реквием «Американцам, павшим за Испанию»: «Мертвым не надо вставать. Теперь они частицы Земли, а Землю нельзя обратить в рабство. Ибо Земля пребудет вовеки. Она переживет всех тиранов». Нельзя умолчать, о том что при всем уважении к коммунистам как солдатам Хемингуэй отрицал их проповеди. Весьма несимпатичным, хотя и умным предстает в романе «По ком звонит колокол» Карков, спешенный с М. Кольцова, и особенно гнусной фигурой выступает в нем один из руководителей французской компартии Анри Марти... «Поэтому не считайте, что какой-нибудь рассказ выражает мою точку зрения; все гораздо сложнее».

В последние числа января 1939 года фашисты взяли Барселону, а еще через два месяца пал Мадрид. К тому времени (28–29 октября 1938 года) Чемберлен и Даладье заключили с Гитлером и Муссолини позорное соглашение, обеспечившее

захват последними Чехословакии и начало Второй мировой войны (1939 год). Перерыва в войнах практически не было. Но Хемингуэю необходимо было завершить свое сражение за Испанию уже не участием в боевых операциях, а оружием слова. Этим он и занимался на Кубе: роман «По ком звонит колокол» был написан за 18 месяцев и имел большой успех. И все же, будучи человеком действия, Хемингуэй привык непосредственно участвовать в антифашистских войнах и поэтому предложил послу США на Кубе последовательно два дерзких плана. Считалось, что в Гаване жило не менее трех тысяч человек, помогавших фашистам, снабжавших, в частности, немецкие подводные лодки, которые крейсировали у северного побережья Кубы. Первый план был нацелен на создание сети контрразведки (опыт ее организации был у Хемингуэя со времен осады Мадрида в 1937 году). Этот план был согласован с премьером кубинского правительства и успешно реализовывался на базе дома Хемингуэя. Другой был прямо направлен на охоту за фашистскими подводными лодками: для этого переоборудовали и укомплектовали рыболовный катер Хемингуэя; военно-морское ведомство США снабдило его радиоаппаратурой, звукопеленгаторами и вооружением (пулеметы, базуки и глубинные бомбы), а также девятью членами команды. Во главе этого интернационального экипажа стоял сам Хемингуэй. «Все были мастера своего дела, храбрецы, и я думаю, что наш план мог осуществиться... Морская разведка по нашим донесениям обнаружила несколько нацистских подводок, которые были закиданы глубинными бомбами. И считались потопленными. Был награжден за это». Надо иметь в виду, что эта операция была чрезвычайно опасна. Оба плана удачно завершились в течение 1942–43 годов, и 17 мая 1943 года Хемингуэй вылетел в Лондон (союзники СССР намеревались открыть второй фронт). Его прельщала перспектива участия в освобождении любимой им Франции, ее столицы Парижа.

Он получил разрешение участвовать в действиях английской авиации, боровшейся с летающими бомбами «фау-1» в воздухе и на их стартовых площадках во Франции. После нескольких таких смертельно опасных вылетов Хемингуэй принял участие в высадке союзных войск в Нормандии, а впоследствии — в тяжелых наступательных боях, которые вели 22-й американский пехотный полк. «Это лето наступления из Нормандии в Германию было лучшим летом в моей жизни, несмотря на войну... Освобождение Франции и, особенно, Парижа радовало меня, как никогда и ничто в прошлом». Оказавшись впереди американских частей в Рамбуйе, Хемингуэй возглавил отряд французских партизан (маки), добывших ему схему немецких укреплений Парижа, опираясь на которые Леклерк успешно завершил марш на Париж. И тут Хемингуэй был активным участником, он уничтожал снайперов, засевших на крышах домов, навещал старых друзей, и снова в бой — уже на территории Бельгии, а затем Германии: прорыв линии Зигфрида, жестокое сражение у Ландреси, кровопролитная битва в Хортченском лесу, продолжавшаяся 18 дней, тяжелый бой в долине около Кельна, отражение контрнаступления Рундштедта.

«Теперь, когда война кончилась и мертвые мертвы, для нас настало еще более трудное время, когда долг человека — понять мир. В мирное время обязанность человечества заключается в том, чтобы найти возможность для всех людей жить на земле вместе». В 1948 году Хемингуэй «пришел к значительному убеждению, что те, кто сражается на войне, — самые замечательные люди и чем ближе к передовой, тем более замечательных людей там встречаешь; зато те, кто затевает, разжигает и ведет войну, — свиньи, думающие только об экономической конкуренции и о том, что на этом можно нажиться. Я считаю, что все [они]... должны быть расстреляны... [и] с радостью взял бы на себя миссию организовать такой расстрел, если бы те, кто пойдет воевать, официально поручили мне это».

Чеченская правда

Рассказы о Чечне и русских солдатах 1980–1981 годов рождения

Российская армия продолжает оставаться дикой и страшной. Оставленная без гражданского контроля, она одичала от вседозволенности, а генералы не желают навести порядок даже в тех частях, которые не ведут боевых действий. Вероятно, в общем хаосе и вседозволенности кроется причина и военных неудач. По-прежнему много свидетельств о дедовщине, о которой в связи с войной подзабыли, но которая не прекращается в армии ни на секунду. Центром дедовщины стал Владикавказ: у правозащитников возникла гипотеза, что русских солдат умышленно пропускают через унижения со стороны дагестанцев и других «детей Кавказа», чтобы озлобить против бандитов во главе с Басаевым.

Материалы, собранные организацией «Солдатские матери Санкт-Петербурга», рисуют жуткую картину.

Товарищи по оружию: избили и бросили в поле

Андрей Павлов, призванный 9 июня 1998 г., служил в Моздоке, в/ч 73314. «Мой сын, Павлов Андрей Геннадьевич, был зверски избит и брошен в поле в 20 км от части. Местный житель нашел его без сознания, выхаживал его, и когда он пришел в сознание и дал адрес матери, то местный житель сообщил мне и дал срок 5 дней, чтобы я приехала за ним, что я и сделала. По прибытии в город мы обратились в военкомат Волосовского района <Ленинградской обл.>, нас направили в военную комендатуру на Садовую, 5. Там с нас были сняты показания и зафиксированы побои сына. Комендатура направила его служить в г. Пушкин, в/ч 25756. Постоянные боли в голове и рвота. Моего сына положили в госпиталь в Пушкине, где он

находился с 31 августа по 22 сентября, после чего по нашему требованию он был переведен на обследование в Военно-медицинскую академию на четвертое отделение неврологии, где и сейчас проходит курс лечения. Мой сын болен. Простите, я не могу описать, как он выглядит, чтобы не оскорбить, но я хочу, чтобы его забрали в ту часть, где он был избит. Убедительно прошу...» (из заявления матери потерпевшего от 9 октября 1999 г.).

Дагестанцам позволено все

Сергей Багров служит в мотострелковом полку, в/ч 29483, Волгоград-12. В армию был призван 24 июня 1998 г. Из этого же части мать солдата стала получать страшные письма. В одном из них сын писал «об издевательствах старослужащих и полном превосходстве на службе дагестанцев, которым в части позволено все». При очередном избиении сыну сломали ногу, он был на грани самоубийства. «Когда 2 ноября мой сын пытался убежать из отпуска, он мне более подробно рассказал обо всех издевательствах...»

Вместе с приехавшим в отпуск сыном мать стала добиваться, чтобы его отправили служить в другую часть. До этого момента находила с сыном по военкоматам и военным прокуратурами никто не желал принимать решения по существу. В результате военком Петербурга и области В. Брезгун пообещал обратиться к начштабу Ленинградского военного округа, приказал ждать решения, но 24 ноября, когда Сергей Багров вместе с матерью явился к нему, посадил Сергея на гауптвахту на 10 дней за неприбытие в часть из отпуска (из заявления матери солдата от 1 декабря 1999 г.).

«Завалили молодого бычка»: письмо с фронта

«Привет, мама, папа и Макс, пишет вам Леша. Вы уже, наверное, знаете, что наш 245 полк ввели в Чечню. Мы даже и не думали, что нас пошлют сюда. А я даже офигел, ну, думал, что все, кранты нам. Я вспомнил фильм «Чистилище» и подумал, если там такая же фигня, то живым оттуда вернуться шансов совсем мало, почти нет. Нам вообще сказали, что мы едем в Дагестан, а привезли нас в Моздок. Это вроде бы Северная Осетия, я точно не знаю. Оттуда мы совершили марш, километров 80 ехали сверху на броне, десанта не было, места в броне были забиты вещами, да и какой дурак пойдет в десанте, гранатомета выстрелят — выпрыгнуть не успеешь, там и остаться. Кочуем, как цыгане, пока больше трех дней нигде не стояли, сейчас встали на каком-то холме. Говорят, будем здесь сидеть, но мне кажется, что такого не будет, через пару дней свалим отсюда.

Нас уже один раз обстреляли. Мы подошли к какой-то деревне и обстреливали ее сутки, так просто, по домам, а на следующий день пришла замена, и, когда мы начали уходить, нас и обстреляли. Мне вначале было по хрена все, за БМП спрятался, а вот когда они начали из подствольников стрелять и мне осколком порвало камуфляж на рукаве, тогда мне стало страшно. Ну, я не долго драился, прыгнул в канаву ко всем, кто пошел вместе со всеми подальше от этого места. Потом было еще остановки, две-три, и мы подошли к холмам. Высота небольшая, метров 500 и больше.

Сверху вид красивый, внизу «кошары» стоят, это у них там дома называются, мирные жители почти все сгиняли, а доброволцы оставили полные дома и живности кучу. Вот наши и ездят на БМП за вещами да за живностью. Ее мы и хаваем. Мед прячут из сот свежий едим, привозят ведрами дыни. Арбузы растут прямо на поле, пошел, сорвал, съел. Кукурузы целые поле.

Помидоры, перец красный, я такого ни разу не ел, сочный, виноград на деревьях, подходи, рви и ешь, греческие орехи тоже ешь, сколько хочешь. Ну, это все фрукты, а так едим одно мясо — курицу, индюков, уток, баранов, вот сейчас мужики завалили молодого бычка, сегодня на ужин будут готовить. В общем, жирем здесь круто.

Это, наверное, последняя наша остановка на холмах, следующая, наверное, будет в Грозном, мы от него, как нам командир роты сказал, в двадцати километрах стоим. Два дня назад был бой, у нас в роте убили одного командира отделения и семь человек ранило. Подбили одну БМП, но экипаж остался живой... Бились, бились, часа три бились, но холм так и не взяли. На следующий день обстреляли этот холм сначала вертушки, потом из танков, ну, а потом опять пошли мы, пехота, но они все спилили. Окопались они там не хило, оставили много вещей, пищи, бинокль... и днем, и ночью видно. Броники... пятый класс защиты... самая высокая степень защиты шестая — СВД с десяти метров не пробивает... Передавайте всем привет... 14.10.99» (письмо Алексея Данилова из Чечни).

История одного снайпера. Побег из владикавказского ада

Василий Раков был призван 25 мая 1998 года. В учебной части в/ч 45935 в Петербурге был ранен: «Один из сослуживцев послал найти ему табуретку, я отказался, и ночью, когда я спал, мне табуреткой пробили барабанную перепонку, когда я понял, что случилось, из уха текла кровь, лечение проходил в госпитале». Потом служил в Карелии.

«Примерно 25 августа 1999 г. мы с ребятами написали рапорт в республику Дагестан, но не в Чечню. Нас перевели в часть Сертолово-2. Там я прошел курсы снайперов, 1 месяц обучения. Оттуда нас перевели по документам в Каменку, но я там не был, нас сразу бортом примерно 30 сентября кинули в Чечню. В Чечне отслужил месяц, был в 708 батальоне 138 бригады. Там, конечно, могут убить, но там зато не унижают. Там все как один, кормили там, конечно, плохо. Практически каждый день продвигались на Грозный. Замполит роты сказал, что 15 декабря нас уволят, потому что нам, мол, день за три.

Но тут всем снайперам сказали, что едем на сборы снайперов подучиться, на две недели. Нас привезли во Владикавказ на спутник, и там один из наших выколол глаз ножом другому. Нас 4 человека забрали в прокуратуру, там держали трое суток в коридоре как свидетелей. Потом наш следователь сказал: пока разберется, снимет с нас показания и отправит сразу обратно к нашим, а пока побудьте в части у связистов. В этой части почти все местные. Так они там ничего не делают, только нас, русских, напрягают. Некоторые из них вообще дома живут, только ночью придут пьяные, да еще с друзьями, да давай нас строить, показывать друзьям, как они часть держат. Стоишь в парке дневальным. Приезжают местные солдаты на машине, сливают бензин. Отвечаю я. И ничего не скажи никому, их даже русские офицеры боятся. Работаем за них с

утра и дотемна, за них и за себя, а ночью дневальным стоишь бессменно; 3–4 часа в сутки спишь.

Еще командир части продает солдат на работы к местным жителям, на стройки или выполнять всю грязную работу. Меня тоже продавал. От офицеров, бывало, и перепадет палкой или просто так. После всего мы решили сбежать, ночью перелезли через забор и вышли по железной дороге за город, шли двое суток вместе, спали днем в поле, ночью шли, потом у города, не знаю какого, разделились, решили, что будет безопаснее.

Сейчас стала болеть поясница, непонятные головокружения, часто стала подводить память, только чего-нибудь хочу сказать и сразу забываю...» (из заявления рядового Василия Ракова от 19 декабря 1999 г.).

«Психическое состояние: подавлен, лицо застывшее, мрачное. Голос тихий, ответы краткие. Жалуется на плохое, подавленное настроение, постоянные мысли о нерешенной ситуации с военной службой. Исчезли прежние интересы, снизился аппетит, похудел. Постоянными стали головные боли и чувство общей вялости и слабости, ощущение тревожной напряженности.

Заключение психолога: наличие стрессового состояния, снижение настроения, внутреннее напряжение... Затруднение ассоциативно-логических операций, снижение пластичности мышления... Личность дисгармоничная, аффективно-ригидная, мнительная, подозрительная, замкнутая, ранимая, эмоции могут отразиться непосредственно в поведении... Диагноз: ситуационная депрессия, тревожно-депрессивный синдром. Рекомендуется лечение у психиатра» (из заключения комиссии специалистов Психоневрологического НИИ им. В. М. Бехтерева от 20 декабря 1999 г.).

Опять владикавказский ад. Опять табуретка

Денис Чинакаев был призван 28 июня 1999 года. Служит сейчас во Владикавказе, в уже знакомой нам мотострелковой бригаде, в/ч 29483.

«Когда я поехала проводить своего сына, то, что я там увидела, не поддается никаким словам. Мой сын потерял в весе 16 кг за 2,5 месяца, взгляд сумасшедшего человека. Он ест дома весь день и не может насытиться. Ноги покрыты гноящимися язвами... Когда я спросила, почему он не обратился в медсанчасть, то он сказал, что его не отпустил старшина роты Шакиров. Тогда сын самовольно пошел в медсанчасть, куда его положили. Но в медсанчасти он не получил нужного лечения, и с гноящимися ногами его выписали, с еще большим истощением. В казарме нет элементарных условий. Солдаты спят на голых тюфяках, без простыней и наволочек, все искасаны бельевыми вшами... В последний раз сын попал в роту, где служат в основном местные жители. Вот тут и началось самое страшное. Его заставляли делать все за них. Если он отказывался, то ночью, когда он спал, его избивали. Один раз даже стукнули табуреткой по голове. У моего сына постоянно кружилась голова, тошнило, упало давление. Моего сына два раза хотели продать на работы, но он отказался, за что был избит. По казарме свободно ходят местные жители, которые выбирают себе солдат для своих нужд. Я это видела сама.

Видя такую обстановку и страдания своего сына, я не вынесла и забрала его из части. Я растила своего сына не для того, чтобы над ним издевались и чтобы он находился в нечеловеческих условиях. По 4 недели солдаты не моются, недодают, как привидения с голыми глазами. Состояние здоровья моего сына подорвано как физически, так и психологически... В разговоре с сыном я поняла, что он даже хотел покончить с собой». Мать просит, чтобы сына направили на военно-врачебную комиссию (заявление от 21 октября 1999 г.). Диагноз комиссии специалистов Психоневрологического НИИ им. В. М. Бехтерева: церебральный арахноидит с выраженным гипертензионным синдромом — и еще восемь строк специальных терминов.

В тихом-тихом Буйнакске. «Я был избит солдатской бляхой....»

Виктор Гангало служит в Буйнакске в в/ч 63354. Судя по заявлению матери, подкрепленному многочисленными медицинскими заключениями, по состоянию здоровья служить не должен. Но армия наша всех готова отправить в мясорубку — и здоровых, и больных, поэтому военная медицина признала хронически больного человека здоровым и Виктор отправился на военную службу. В заявлении колоритно описана сцена в городском сборном пункте на Загородном, 54. Представитель воинской части из Буйнакска, изучив дело Виктора, сказал, что с такими болезнями ему надо дома сидеть, а не в армии служить. Но представитель райвоенкомата г. Пушкина, который Виктора «продавал», попросил его выйти из комнаты, что-то объяснил своему буйнакскому коллеге, после чего Виктор сразу поправился и стал «строевым». И уже 3 декабря 1999 года поехал в Буйнакск, на театр боевых действий. Далее в заявлении матери нарисована выразительная картина тыловой жизни солдат.

«В части было плохое питание, нательное белье грязное, мой сын ходил в сапогах на босу ногу, так как портянки у него украли. В части горячей воды нет, а холодную дают утром (не всегда) и вечером на несколько минут, да и то пить ее нельзя. Солдаты страдают от бельевых вшей. В казарме были антисанитарные условия, температура воздуха доходила до 0°. Солдаты все кашляют... В казармах есть вспышки дизентерии. Сын обращался в медроту, но помочь ему оказана не была, нет лекарств.

Со слов моего сына, избивать, унижать его достоинство, оскорблять начали на КМБ. Моего сына там били три раза табуреткой по голове, потом их строили в шеренгу и били выбороочно через 2 человека. К командиру с жалобой обращаться побоялся, так как ему пригрозили... Непосредственно уже в воинской части был избит солдатской бляхой пьяными солдатами из танковой роты. На теле моего сына были отпечатаны звезды с бляхи.

Своего сына я нашла простывшим, с высокой температурой, насморком, кашлем и головными болями, вокруг рта — герпес. Я обратилась к прaporщику с просьбой отправить моего сына в медроту... но прaporщик сказал, что нет лекарств и его отправят обратно в казарму. Я показала документы заболевания сына, но никто не обращал внимания...»

Господи! Да неужели еще не ясно, что все эти солдаты уже давно списаны по графе «потери», что ни за какие смерти во время службы в армии никто ответственности не нес, не несет и не понесет в будущем, если наше гражданское общество не захватит контроль над армией и теми, кто ею якобы руководит. И будут без такого контроля и дальше над солдатами издеваться, держать их в голоде и холода, не кормить, не лечить, цинично заявляя, что нет лекарств, продавать местным кавказцам как рабов и деньги класть себе в карман. Что значит «нет лекарств»? Это значит, что они все давно украдены, а деньги распределены между славными военачальниками. И так во всем. Нет простины — украдены, нет наволочек — украдены, нет еды — украдена.

Служить в нашей армии — наказание, не служить — преступление, но преступление только с точки зрения преступного государства. Правы те, кто любой ценой скрывает своих детей от службы в армии: это не позор, не криминал, это разумная самозащита от дикой армии дикого государства. Надеяться на продажных депутатов не приходится. Только массовый отказ от службы в такой армии сможет заставить власти сделать армию профессиональной (контрактной) и тем самым подконтрольной гражданскому обществу.

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ «СОЛДАТСКИЕ МАТЕРИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА» ОТ 5 ФЕВРАЛЯ 2000 ГОДА

«...В сентябре 1999 года в Москве и других городах России прогремели взрывы, унесшие жизни нескольких десятков человек. Виновных в этом злодеянии, за которым уж слишком ясно просматривалась рука спецслужб, так и не нашли. Однако с подачи «партии войны» (а это и политики, и предприниматели от ВПК, и чекисты, и военные, не заинтересованные в военной реформе) большинство россиян обвинили во всем мифических «чеченских террористов». Так началась пропагандистски хорошо подготовленная вторая чеченская война, не менее кровавая, чем первая. Российские войска несут колоссальные потери, размеры которых умышленно занижаются властями (приказ министра обороны № 095 прямо указывает на необходимость сокрытия правды). Еще больше жертв — среди мирных чеченских жителей, наших сограждан, вынужденных защищать свои дома.

Российская армия осуществляет геноцид чеченского народа. Приказом генерала Шаманова запрещен выход вынужденных переселенцев за границу Чечни. Бегущих от войны мирных жителей безжалостно истребляют. На 50% возрастло финансирование армии и ВПК, а это неизбежно приведет к задержкам зарплат, пенсий, иных социальных выплат, к обнищанию населения.

Мы требуем:

- остановить кровопролитие, прекратить боевые действия на Северном Кавказе;
- вернуть войска в места постоянной дислокации;
- снять информационную блокаду с событий в Чечне;
- дать возможность журналистам беспрепятственно выполнять свой профессиональный долг, обеспечить их безопасность;
- начать переговоры с президентом Чечни А. Макхадовым;
- перевести армию на контрактную систему комплектования».

Пушечная серенада

Пишет стихи офицер после боя.
Скучные сводки слагает штабист.
Грезит солдат, породнившись с землею.
Падает с дерева осени лист.

Ухаёт небо полярным сиянием.
В небе сигналы-кометы снуют.
Полные к доле людей сострадания,
Пушки всю ночь серенады поют.

Пресс-релиз организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» (печатается с сокращениями)

За период с 1 по 17 января 2000 года в организацию «Солдатские матери Санкт-Петербурга» обратились 65 солдат и матросов, из них 34 человека — в связи с войной в Чечне.

У четырех семей сыновья воюют в Чечне уже 5 месяцев. За это время у одного из них родился ребенок, а другой переслужил 1 месяц после срока демобилизации. Шесть семей разыскивают своих сыновей и не имеют никакой информации ни от них, ни от командования.

Мать Артема Ирхина наконец-то обрела сына, находившегося в плену. Все, кто находился в частях, расположенных в Дагестане (это 8 человек, в/ч 66431, Владикавказ и в/ч 92558, Буйнакск), заявили о нечеловеческих условиях в казармах:

- помещения не отапливаются;
- часты случаи обморожений;
- антисанитария: вши;
- неоказание медицинской помощи;
- продажа офицерами солдат на работы.

Офицер: «Зачем тебе новая форма, ты все равно смертник».

Из письма Артема Ирхина: «В казарме не было кроватей, а сейчас нет на них матрацев, одеял и подушек, в общем, спим на шинелях. У меня форма тоже пришла в негодность, и мне предложили новую форму за 80 рублей».

Семеро обратившихся заявили о репрессивном призывае.

Андрей 26.12.1999 был задержан на станции метро «Ул. Дыбенко» и в тот же день был отправлен в часть, не получив

возможность представить документы, подтверждающие его негодность к военной службе по состоянию здоровья. Сейчас находится в госпитале.

Кирилл 26.12.1999 был задержан дома и доставлен в отделение милиции, где пробыл 2 часа. Протокол задержания не оформлялся. Признан годным несмотря на серьезные отклонения в здоровье.

Двое обратившихся разыскивают своих сыновей; командование им не помогает.

Тринадцать обратившихся заявили о пытках; из этих людей одному отбили почки; один после отказа ехать в Чечню подвергался постоянному унижению, жестоким избиениям со стороны сослуживцев, сержантов, угрозам со стороны офицеров, на момент обращения все тело было покрыто синяками и ссадинами; двое находятся, судя по письмам, на грани нервного срыва, имеют суицидные мысли.

Двадцать обратившихся заявили о нарушенном праве на здоровье; из них один был призван недолеченным после сотрясения мозга; у одного отнялась рука (в окружном госпитале 442 Петербурга его признают годным к дальнейшей службе в армии); один находится в госпиталях в течение 6 месяцев, и его не представляют на ВВК для решения вопроса о годности к военной службе.

В окружном госпитале уже в течение 5 месяцев по неизвестным причинам запрещены посещения больных.

Больше всего обращений в связи с различными нарушениями поступило из в/ч 92558, Буйнакск (5 обращений), в/ч 3526, Лебяжье ВВ (5 обращений), в/ч 45935, СПб ГРАУ (3 обращения).

ИЗ ИСТОРИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Еврейское сопротивление

Одна из самых героических и в то же время невероятно трагических страниц истории Сопротивления — борьба еврейских боевых групп, существовавших в условиях, казалось исключавших все попытки вооруженного противостояния. Загнанный в гетто и концентрационные лагеря, брошенный на произвол своей страшной судьбы народ не только отчаянно боролся за жизнь и за сохранение своего достоинства, но и внес значительный вклад в победу над фашизмом. В нашей газете мы уже обращались к теме намеренного забвения еврейской трагедии в Советском Союзе. Неудивительно, что тема еврейского сопротивления замалчивалась еще более тщательно. Несмотря на то, что в наши дни уже многое известно о борьбе узников варшавского гетто, что появляются отдельные (редкие) публикации и фильмы о восстании заключенных лагеря Собибор и некоторые другие свидетельства мужества загнанных, измученных людей, поразительно мало известно о подпольной деятельности жителей гетто на территории Советского Союза и еще меньше — о еврейских партизанских отрядах, действовавших в лесах Белоруссии, Украины, в катакомбах Одессы, в разных районах балтийских стран.

В гетто и лагерях, временно сохраненных для поставки необходимой нацистам рабочей силы, продолжалась жизнь — жизнь в ожидании смерти, которая могла наступить в любой момент. Люди боролись даже за те несколько дней или часов жизни, которые, кроме них самих, никто не мог им сохранить. Несмотря на категорические запреты немцев, была организована нелегальная доставка продовольствия в гетто, социальная помощь, подпольные столовые для тех, у кого уже не осталось никаких запасов, больницы. За колючей проволокой создавались секретные библиотеки, театры, школы — все то, что помогало оставаться людьми в озверевшем мире. В некоторых

гетто были даже организованы подпольные архивы для сохранения свидетельств о преступлениях нацистов.

Многие понимали — выжить можно лишь за пределами гетто. Но в большинстве случаев побег был возможен только при поддержке местных жителей: требовались документы, доказывающие арийское происхождение, приличная, не привлекающая внимание одежда, работа на воле или иные источники денег и пропитания. Наконец (и в это упиралось все), беглецу нужно было остаться неузнанным, и не только немцами, но, главное, местными жителями, многие из которых разбирались в ситуации куда лучше оккупантов или просто знали местных евреев в лицо. Шансов на помочь было немного, а риск велик: помимо бытового антисемитизма, корысти или страха — основных мотивов выдачи евреев, многие ловили затравленных людей по долгу службы. По немецким официальным данным, в рейхскомиссариате Остланд в октябре 1942 г. в полиции порядка служило 4 428 немцев и 55 562 местных жителя. На Украине и юге России в ноябре 1942 г. служило 10 194 немца и 70 759 местных жителей, — соотношение впечатляет... Безусловно, находились одиночки, выстраивавшие убежища, добывавшие еду для спрятанных ими евреев, отдававшие им с риском для жизни свои документы. Но так спаслись очень немногие.

Уже в первые месяцы оккупации евреи стали организовывать группы сопротивления. В большинстве случаев они создавались в гетто, находившихся в районах, аннексированных Союзом в 1939–1942 гг., причем инициатором часто выступало молодежное сионистское движение. Иногда инициатива принадлежала коммунистам. Такие группы включали порой до сотни бойцов. Оружие они приобретали у местного населения, воровали с немецких вооруженных складов. Самодельные гранаты, кинжалы, некоторые другие виды оружия про-

изводились прямо в гетто. Однако подпольная деятельность порождала риск для всего гетто, ликвидацию которого нацисты могли ускорить, заподозрив возможное сопротивление. В гетто всегда было много доносчиков, которые информировали либо нацистов, либо руководство гетто — юденраты, делавшие обычно все возможное, чтобы прекратить подпольную деятельность. «Отцы гетто» чувствовали ответственность за жизнь всех узников, и практика расстрела заложников-евреев после любого выступления ставила их перед нелегким выбором. Но убежденность в том, что, чем меньше действовать, тем больше шансов выжить, обернулась обычной для такой логики трагедией: лишь те, кто не сдался на волю обстоятельств, действительно смогли спасти часть своего народа, а члены юденратов, в большинстве своем, разделили страшную участь остальных узников, ничем не сумев им помочь.

Во многих гетто (в Вильнюсе, в Каунасе, в Минске и некоторых местечках) боевиками была поставлена цель — восстание и бегство в леса, откуда можно было продолжать борьбу с фашистами. Вооруженные столкновения происходили в гетто Вильнюса, Лахвы, Тучина и многих других, чаще всего при ликвидации гетто. Сотни молодых людей уходили в леса и образовывали свои отряды или присоединялись к советским партизанам. В оккупированных районах Советского Союза сражалось приблизительно 25 000–30 000 еврейских партизан. Один советский офицер писал в письме к И. Эренбургу: «Возможно, ошибаюсь, но меня интересует такой вопрос: как национальные формирования неплохо было бы сформировать еврейские части. Я уверен, что евреи будут драться с фашизмом с 10-кратной ненавистью: как патриоты Родины, и будут мстить еще за кровь своих единокровных братьев, сестер, отцов, матерей, жен и детей. Ведь нет ни одного еврея, который кроме общегосударственных счетов с фашизмом не имел бы и личные счеты с фашистскими извергами».

Даже в гетто, за колючей проволокой, под постоянным надзором, существовали группы, активно помогавшие Красной Армии и партизанам в общей борьбе. В донесении начальника зондеркоманды 11-й айнзацгруппы-Д от 4 августа 1941 г. сообщается о казни в Кишиневе евреев, занимавшихся подпольной деятельностью и поджогами, а также о розыске лиц, подававших из гетто световые сигналы при налетах советской авиации и организовавших группу стрелков-диверсантов. Донесение констатирует, что даже массовый расстрел заложников не запугал подпольщиков, так как на следующий же день из гетто опять были запущены сигнальные ракеты. Во многих донесениях осени 1941 г. сообщается об активном сопротивлении еврейского населения на занимаемых территориях, а оперативная сводка о действиях айнзацгрупп с 15 по 30 сентября 1941 г. резюмирует: «Как на Украине, так и в Белоруссии замечено, что евреи, несмотря на принятые против них меры, ведут себя вызывающе и высокомерно».

На Украине, в жмеринском гетто, сопротивление играло необычайно важную роль для партизанского движения всего края: гетто находилось на железнодорожной станции. Партизаны приходили к еврейским узникам за тщательно собиравшимися теми сведениями о перемещении по железной доро-

ге войск, техники, оружия. Еврейские мальчишки даже ухитрялись залезать через узкие окна в вагоны и узнавать об их содержимом. Из разговоров по-немецки говорившие на идиш евреи многое понимали и также передавали партизанам. Кроме того, в гетто изготавливали поддельные документы, печати, штампы, позволявшие бойцам выходить из леса для нужных им перемещений, по спрятанному радиоприемнику узнавали новости с советского фронта, что было очень важно для отрезанных от мира партизан. (Ведь в дни сражения под Сталинградом официальные немецкие сводки новостей сообщали, что войска Вермахта уже заняли Москву.) Когда 22 марта 1944 года войска Красной Армии вошли в Жмеринку, они не смогли взять заранее укрепленный вокзал. Еврейские ребята из гетто с несколькими автоматами прошли по подземному переходу, напали с тыла на осажденных фашистов и с большими потерями взяли этот последний бастион. Многие из еврейских бойцов ушли из Жмеринки с Красной Армией на передовую.

Нас не поведут, как овец, на бойню!
Еврейская молодежь, не давай сбить себя с пути. Из 80 000 евреев Вильнюса, Литовского Иерусалима, осталось всего 20 000. На наших глазах отняли наших родителей, наших братьев и сестер. Где сотни людей, которых забрали на работу литовские «хапуны»? Где раздетые догола женщины и дети, которых увезли в страшную «ночь провокации»? Где евреи, которых увезли в Судный День? Где наши братья из Второго гетто?
Все, кого увезли из гетто, никогда больше не вернутся.
Все дороги гестапо вели в Понары.
А Понары — это смерть!
Сомневающиеся! Избавьтесь от иллюзий! Ваши дети, ваши мужья и жены погибли.
Понары — это не лагерь. Их всех убили там.
Гитлер намерен уничтожить всех евреев Европы. Евреям Литвы суждено стать первыми на этом пути.
Не будем же овцами, покорно идущими на убой!
Правда, что мы слабы и беззащитны, но сопротивление должно стать единственным ответом врагу!
Братья! Лучше погибнуть свободными борцами, чем выжить по милости убийц.
Сопротивляйтесь! До последнего вздоха!

1 января 1942 года
Вильнюсское гетто

(из воззвания представителей молодежной сионистской организации вильнюсского гетто от 1 января 1942 г.)

щихся в неведении евреев и организовать их бегство в леса.

Так родилось знаменитое подполье вильнюсского гетто, сделавшее своей задачей подготовку массового вооруженного сопротивления при попытке ликвидации гетто, саботаж и диверсии в тылу врага и, главное, присоединение к Красной Армии, а также установление связи с другими гетто, для того чтобы помочь в том же и им. Первое заседание Объединенной партизанской организации (ФПО) состоялось в Вильнюсе 21 января 1942 года. Помощь, оказывавшаяся ФПО содержавшимся в Вильнюсе советским военнопленным, была неоценима. Голодавшие и оборванные, члены ФПО, начав с поставки военнопленным провизии и одежды, подготовили для них поддельные документы и разработали безопасный маршрут к лесным партизанам. Благодаря их усилиям большая группа пленных бежала в лес из хорошо охранявшегося лагеря. И хотя последовала ответная волна нацистского террора, вскоре бежала и вторая группа. Так ушли в лес десятки советских военнопленных. Весной 1942 года двое связных из вильнюсского гетто смогли добраться до Каунаса и, открыв глаза многим, убедить их в необходимости организованного сопротивления.

Так, летом 1942 года был организован сионистский центр «Мацок», координатор всех стремившихся уйти к партизанам групп. Большинство членов литовского еврейского сопротивления, спасшего жизни сотен советских людей, погибли по доносу провокатора, и лишь небольшие группы из вильнюсского и каунасского гетто смогли влиться в партизанские отряды.

Уникальна история сопротивления минского гетто. Его лозунг «Гетто – это наша гибель! Надо вырваться из стен гетто!», вопреки всему, многим удалось претворить в жизнь. Сопротивление возглавляли Г. Смоляр и Н. Фельдман, использовавшие свой партизанский опыт времен гражданской войны. Была организована подпольная профессиональная типография, печатавшая сводки с фронта, изготавливая листовки и фальшивые документы. Было решено небольшими группами перебрасывать узников, способных держать в руках оружие, в лес. Однако трудности, возникавшие перед боевиками, далеко не всегда исходили от немцев. В Минске действовал Военный совет из оставшихся в тылу офицеров Красной Армии, который пытался не допустить выхода евреев из гетто, считая, что их подозрительная не-арийская внешность навлекает излишний риск на партизан. Гибель, грозившая всем евреям, совершенно не считалась Военным советом достаточным аргументом для оказания им помощи. Чтобы войти в партизанский отряд, требовалось к тому же иметь с собой оружие. С риском для жизни заключенные гетто добывали себе ружья, патроны, продавали последнее, чтобы купить у населения спрятанные боеприпасы. Работавшие в больнице доставали для партизан медикаменты, а имевшие доступ в юденрат воровали пишущие машинки для распечатки сообщений Совинформбюро, полученных по собранному в гетто радиоприемнику. И все же приходилось долго упрашивать некоторых командиров-партизан, прежде чем они соглашались взять к себе мужественных, вооруженных бойцов, которым партизаны были во многом обязаны. Коммунистическое же управление подпольем тревожилось о другом: никто «сверху» не давал указаний об организации в гетто боевых групп, тем самым создавался прецедент «незаконных формирований»...

Многое решила встреча Смоляра и Фельдмана с командиром партизанского отряда им. С. Буденного С. Ганзенко, которому они в свое время организовали побег из концентрационного лагеря. Исходя из того, что эвакуировать надо не только молодых с оружием, но всех находящихся в гетто в ожидании смерти, на общем собре отряда приняли указ, предписывающий создать в лесу новый гражданский лагерь, а «боеспособным предоставить с оружием в руках отомстить за пролитую кровь родителей, братьев и сестер». Так началась история партизанского отряда № 106, сформированного из минских евреев. Командиром стал партизан гражданской войны Шолом Зорин. Н. Фельдман же создал в Старосельском лесу свою партизанскую базу.

К этому времени в Налибокской пуще уже существовал семейный лагерь Тулии Бельского, где в конце 1943 года находилось около 1 200 евреев, бежавших из гетто и лагерей. Этот семейный лагерь, в котором не только спасались еврейские женщины, старики и дети, но и лечились раненые партизаны других отрядов, снабжал продовольствием все партизанские отряды округа. Похожие семейные лагеря, созданные командинрами партизанских групп для размещения скитавшихся по лесам беженцев из разных гетто и лагерей, существовали и на Украине. Спасенные евреи активно включались в борьбу: совершая небольшие вылазки, они захватывали оружие, продовольствие, лошадей, коров и снабжали своей добычей бое-

вые лагеря. На Волыни украинец Крук (прозвище Николая Коницку) набрал партизанский отряд исключительно из жителей еврейских местечек и евреев, прятавшихся в лесу. Отряд этот, объединивший впоследствии 700 человек, прославился крупномасштабными диверсионными операциями.

Но лес не всегда был спасением для еврейского народа. В 1942 году в некоторых лесах существовали банды, которые нередко нападали на беженцев, забирали их деньги, оружие, одежду. Командование советского партизанского движения было против существования отдельных партизанских еврейских отрядов, так как считало, что советское партизанское движение должно организовываться в республиканских, а не национальных рамках. Под этим предлогом еврейские отряды расформировывали, а евреев распределяли по нееврейским частям, причем нередко это кончалось изъятием оружия, евреи оставлялись невооруженными на произвол судьбы. В лесах Нарочи и в других местах Западной Белоруссии, где действовали партизаны польской Армии Крайовой, немало евреев пало от рук польских фашистов, входивших в это образование. В лесах Западной Украины УПА (Украинская повстанческая армия) и некоторые другие группировки убивали чудом избежавших уничтожения евреев, считая их «пропагандистским элементом».

Невозможно в рамках одной небольшой статьи рассказать обо всех многочисленных примерах еврейского Сопротивления. Каждая история по-своему уникальна, каждая заслуживает внимания. Хотелось бы, тем не менее, вспомнить еще об одной, на этот раз подземной, одиссее группы евреев-боевиков.

В сентябре 1941 года много тысяч евреев Одессы были заживо сожжены в большом оцепленном сарае. Однако небольшой группе из 25 человек удалось бежать. Под руководством Гирша Фурмана они ушли в катакомбы, где вырабатывался ракушник, основной стройматериал Одессы. Там, в вечной темноте, они встретили еще один отряд, возглавляемый Бадаевым, отряды соединились. Позже к ним примкнул и прятавшийся под землей с начала оккупации райком коммунистической партии под руководством Семена Лазарева. Бойцы, среди которых было немало женщин, выходили на поверхность и добывали информацию, совершали диверсии, нападали на патрули. Найти их под землей было невозможно, но фашисты использовали разные методы уничтожения. Их пытались вытравить газами, запущенными под землю, однако узнавшие об этом обитатели катакомб за ночь выстроили стену из камня и песка, закрыв проход газу. Были отправлены все колодцы, которыми пользовались поземные жители, но на глубине 30 м они вырыли два колодца, хоть для этого и пришлось пробивать камень. Наконец, немцы замуровали вертикальные шахты — единственный источник воздуха, однако и тут были прорыты новые шахты. Потратив немало усилий, немецкие и румынские фашисты залили цементом 400 отверстий — все найденные ими входы в катакомбы. Упорные поиски помогли подпольщикам обнаружить новые ходы, на расстоянии многих километров от основной базы. Тем не менее, когда иссякли все продовольственные запасы, часть людей была вынуждена выйти на поверхность. Не всем удалось прорваться к партизанам — двадцать три бойца, из которых половина были женщины, попали в руки гестапо, 16 из них были казнены. Под землей остались Семен Лазарев и весь одесский райком. Там они провели все время оккупации — 900 дней.

Мужество и упорство обреченных людей — не только урок, но и утешение...

Партизанский отряд, сформированный из бойцов вильнюсского подполья

«Свой» среди чужих

Название фильма польского режиссера Агнешки Холланд «Гитлерюнге Саломон» — явный оксюморон: еврей — член «гитлерюгенда»?! Но уникальность и сенсационность ленты как раз в том и заключается, что все изображенные в ней события подлинные. Фильм поставлен по воспоминаниям Саломона Переля, этот пожилой человек сам появляется в заключительных документальных кадрах.

Язык не поворачивается назвать фильм трагикомедией: слишком трагично время, о котором идет речь, и сама рассказанная в фильме история жизни человека, несмотря на то, что эта жизнь, соприкасаясь с конкретным историческим временем, развивается по странным, нелепым, непредсказуемым и горько-ироничным законам парадокса. Поэтому вернее всего было бы, по-видимому, обозначить жанр ленты как «комическая трагедия». Еврейская трагедия 30–40-х годов XX века — это нечто главное, это та основа и почва, на которую ложилось и из которой произрастало все происходившее в то время. Но эта трагедия сама по себе противоестественна, ибо искусственно создана и с умыслом связана людьми. Из данного противостояния и рождаются невольно комический эффект и те многочисленные комические ситуации, которые неизменно сопровождают жизнь Саломона Переля и над которыми можно смеяться только сквозь слезы, ни на минуту не забывая, что они лишь уснащают собой реальную трагедию.

Действие фильма начинается вечером 9 ноября 1938 года в Германии. Юноша Саломон Перель принимает ванну в доме своих родителей. Начинается погром. Саломону удается выбраться из дома через маленькое окно ванной комнаты и спрятаться в пустой бочке на задворках. Голый, весь в ссадинах и ушибах от падения со второго этажа, он пережидает здесь страшную ночь, а утром возвращается домой и обнаруживает свою квартиру разграбленной, а родителей — в глубоком горе: убита их дочь, сестра Саломона.

После Хрустальной ночи происходит массовая депортация евреев из Германии. Семья Перель эмигрирует в Польшу. Перестав быть немцем, Саломон невольно становится поляком. В Польше он продолжает учиться в школе и ежевечерне бегает в ближайший кинотеатр смотреть новые фильмы. У него завязывается роман с кассиршей кинотеатра — пухленькой миловидной женщиной, значительно превосходящей его по возрасту.

Но наступает первое сентября 1939 года. Снова нужно бежать. Родители Саломона бежать уже не в силах: они пожилые люди. Искать лучшую часть отправляются Саломон и его брат. Они идут к восточной границе Польши. Во время суматошной ночной переправы через реку Буг юноши оказываются в разных лодках — и это разлучает братьев на несколько долгих лет. Саломон во время переправы чуть не утонул — его спас советский солдат-пограничник и доставил на тот берег.

Саломон еще очень молод, и советские власти направляют его в детско-юношескую коммуну, которая создана по модели, разработанной Антоном Макаренко, и находится то ли на Украине, то ли в Белоруссии — словом, совсем недалеко от границы СССР. Из поляка Саломон невольно превращается в советского гражданина. В коммуне он учится ходить

строем под красными флагами, петь комсомольские песни, изучает русский язык и «основы марксизма-ленинизма», адаптированные для школьного возраста. Здесь же между Саломоном и молодой воспитательницей, слегка превосходящей его по возрасту, вспыхивает взаимная горячая и романтическая влюбленность...

Но этому чувству не дает развиться в любовь начавшаяся 22 июня 1941 года война между Германией и СССР. Коммунисты эвакуируют. В сумятице массового отступления Саломон не успевает вскочить в кузов грузовика, который увозит его возлюбленную. Саломон отстает от колонны беженцев и попадает вместе с другими советскими людьми, военными и гражданскими, в плен к немцам. Следует напряженная и драматичная сцена «фильтрации» пленных: немцы «выявляют» комиссаров и евреев, чтобы сразу же их расстрелять. Побуждаемый естественным человеческим стремлением сохранить себе жизнь, Саломон, знающий немецкий язык, выдает себя за прибалтийского немца, который не успел депатриироваться до 1940 года, и сам нарекает себя другим — немецким именем. «Фольксдойче», говорящий также по-русски, — это

привлекает внимание немецкого командования, и юношу делают «сыном полка», намереваясь использовать его в качестве переводчика. Из советского гражданина Саломон превращается снова в немца.

Однажды после боев Саломон уединяется в полуразрушенном деревенском амбаре, чтобы вымыться: он должен скрывать факт своего обрезания. Но амбар проникает один из его однополчан — и тайна Саломона становится известна этому солдату. Саломон в ужасе: он думает, что теперь ему ни за что не избежать смерти. Однако солдат, гомосексуалист и в прошлом профессиональный актер (он и в амбаре забрался именно для того, чтобы добиться интимной близости с красивым юношой), оказывается честным и порядочным человеком — одним из тех немцев, которые даже в условиях нацистской диктатуры не превратились в послушных, фанатично-запрограммированных рабо-

тов, а остались людьми. Узнав, что Саломон — еврей, солдат встает перед юношей на колени и в слезах клянется никому не рассказывать о своем открытии. Само собой, отказывается он и от гомосексуальных притязаний на юношу, понимая, каком и без того драматичном положении находится Саломон.

Они становятся друзьями, и их дружба — это самое светлое время для Саломона в течение, пожалуй, всей войны.

Но в одном из боев солдата-актера убивают. Он умирает на руках у Саломона. Юноша, вновь ощущив себя абсолютно беззащитным и одиноким, решает перебежать через линию фронта к русским: там, по крайней мере, евреев не расстреливают.

Военная часть вермахта, в которой служит Саломон, ведет оборонительные бои против подразделений Красной Армии. Саломона сажают к полевому телефону, с тем чтобы он переводил телефонные переговоры русских. Улучив минуту, когда он у телефона совсем один, юноша на русском языке вызывает советского связиста. Первый вопрос русского: «Да, но нас слушаете?» (фраза, неизменно вызывающая смех).

зрительном зале). Саломон объясняет ему свою ситуацию и свое желание сдаться. Русские назначают юноше время, когда он должен выйти к их окопам с поднятым над головой оружием. Саломон так и поступает. Но в тот момент, когда он поднял над головой винтовку, за его спиной раздается мощное «ура!». Саломон невольно оказался в авангарде ночного немецкого наступления. Русские были выбиты со своих позиций, а юноша, первым пошедший в атаку, стал официальным героями.

Саломона усыновляет немецкий капитан. Героя войны направляют учиться в Германию в специальной элитной школе «гитлерюгенда». На вокзале его встречает пышнотелая эсэсовка, которая и будет сопровождать юного бойца в путешествии. Эта валькирия настолько истосковалась по мужскому естеству, что ночью в запертом на ключ купе спального вагона, когда поезд с грохотом пролетает по аркадам мостов через альпийские пропасти, в буквальном смысле берет юношу силой.

Итак, Саломон — «гитлерюнге». Одна из лучших сцен фильма — урок расовой теории в школе «гитлерюгенда». Нарочитую постановочную гротесковость этого эпизода вряд ли можно счесть лишь режиссерским приемом — скорее, он в точности передает чудовищный гротеск самой жизни в Третьем рейхе. Мракобес-преподаватель, «научно доказывая» на схемах и диаграммах, развешенных в учебном классе, неполноценность «низших рас», испытывает такое вдохновение, входит в такой раж, что начинает неумеренно жестикулировать, строить невообразимые гримасы, издавать поистине звериные вопли и едва не прыгает по партам, напоминая обезьяну в джунглях, так что любой нормальный человек, наблюдая сие зрелище, вправе задаться вопросом о чисто человеческой состоятельности данного представителя «высшей расы» (в образе этого человекоподобного существа нетрудно разглядеть обобщенные черты Юлиуса Штрайхера и всех его ревностных последователей).

В школе «гитлерюгенда» Саломону вновь приходится всеми возможными способами скрывать физический признак своей принадлежности к еврейскому народу. Чего он только не делает для этого! Выбирает время, чтобы принять душ в полном одиночестве, дабы его обнаженное тело не было доступно взгляду других «юных гитлеровцев». Перед медосмотром симулирует сильнейшую зубную боль и жертвует у дантиста здоровым зубом, в результате чего медосмотр удается избежать. Пытается (пусть читатель простит за физиологические подробности) натянуть, насколько это возможно, кожу на головку полового члена и закрепить ее в подобном положении чуть ли не английской булавкой (!), испытывая при этом, разумеется, нестерпимую физическую боль.

Однако гораздо страшнее телесных страданий для Саломона муки душевые. Даже здесь, в нацистском логове, нормальный юноша не смог не влюбиться — на сей раз в свою ровесницу, которая отвечает юноше взаимностью. Но при всем обоядном желании Саломон в силу все той же причины не может вступить с ней в интимную близость. Юная Лени не может понять нерешительность своего возлюбленного, и их отношения становятся напряженными. Точки в этих отношениях ставит следующий случай. Юноша и девушка гуляют в лесу. Они видят, как на пустыре привозят на подводах и сваливают на землю надгробные плиты с уничтоженного еврейского кладбища. Саломон вдруг спрашивает Лени, что бы она сделала, если бы встретила живого еврея. Очаровательная, нежная, ангелоподобная Лени, член Союза немецких девушек, глаза которой моментально делаются стальными и безжалостными, с холодной уверенностью фанатика коротко отвечает: «Я бы размозжила ему голову!»

Эти слова и вид в беспорядке сваленных на землю надгробных камней заставляют Саломона вспомнить об участии своих пожилых родителей. Он знает, что они остались в Польше, и надеется, что они еще живы... Это его последняя надежда.

Саломону удается выхлопотать себе короткий отпуск: в школе «гитлерюгенда» он говорит, что собирается навестить семью капитана, который усыновил его. На самом же деле Саломон едет в Краков.

Лишь два или три раза удалось Саломону проехать на трамвае сквозь территорию гетто; по гетто этот номер трамвая идет без остановок, сходить запрещено, смотреть в окна тоже запрещено — стекла предусмотрительно замазаны белой краской, дабы пассажиры не могли ужаснуться тому, что творится в гетто: нищете, трупам умерших от голода прямо на улицах... Но какой-то смельчак протер в слое краски маленький кружочек — в этот-то «глазок» Саломон и смотрит на те места, где когда-то жил. Он даже видит знакомый дом, а в подворотне — какую-то старую женщину... и юноша показалось, что это его мать. Больше Саломон Перель никогда в жизни не видел своих родителей и даже не знает, как они погибли.

Время короткого отпуска исчерпано, Саломон возвращается в Германию и приходит домой к Лени. Девушки нет дома, и Саломона принимает ее мать — одинокая женщина со своим, глубоко затаенным горем. Она не симпатизирует радикальным убеждениям дочери. Сопоставив факты (не слишком арийскую внешность юноши и его странную нерешительность в отношениях с Лени), женщина вдруг делает правильный вывод: Саломон — еврей. Ее реакция на собственное невольное открытие — такая же, как у того солдата, что стал другом юноши на фронте: женщина плачет, жалея Саломона, клянется сохранить все втайне и сдерживает свое обещание. Слабая

честная женщина, человек, безумно уставший от войны и чудовищной риторики и практики фашизма... Трогательна и трагична сцена, когда мать Лени и Саломон, оба в слезах, обнимают друг друга, стоя на коленях на ковре рядом с камином в самом центре нацистской Германии. Живая статуя человеческой скорби...

Скоро эта и многие другие улицы превратятся в груды кирпичей и обломков после налетов союзной авиации. Во время одного из таких налетов погибнет соученик Саломона Переля — истовый «юный гитлеровец», каким-то одному ему известным способом тоже догадавшийся о тайне Саломона: он хотел сообщить все нацистскому начальству, но не успел — смерть помешала.

Юноши из «гитлерюгенда» поставлены под ружье: они должны стрелять в русских. А Саломон не может. Он прицелился в такого же юного, как и он сам, советского солдата, у которого заклинило оружие, — но опустил винтовку. Русский паренек понял чувства юного немца — его нежелание убивать — и в полной мере оценил их. Еще одна сильнейшая сцена фильма: двое юношей из противостоящих в войне стран стоят и неотрывно смотрят в глаза друг другу, опустив оружие... Они понимают один другого. Война на земле еще идет, но мир в сердцах уже почти наступил.

Почти... Командир Саломона стреляет в молодого советского солдата и убивает его, а потом выговаривает Саломону за нерасторопность.

Саломон оказывается в советском плену. Здесь он хочет наконец открыть всю правду о себе — и говорит русским на русском языке, что он еврей. «Еврей?! — гневно и недоверчиво переспрашивает советский офицер. — Вот где были все евреи!» — и с этими словами показывает фотографии, сделанные в концлагерях. Саломону не верят. Рядом с немецкими военнопленными стоят освобожденные узники концлагеря.

Аgnешка Холланд

Другой офицер подводит Саломона к истощенному человеку в полосатой робе, который едва держится на ногах. Офицер дает бывшему узнику свой пистолет и говорит, указав на Саломона: «Делай с ним что хочешь». Немного помедлив, бывший заключенный целился в юношу и собирается выстрелить. И тут раздается радостный крик: «Саломон!» Это кричит другой человек в полосатой одежде — он узнал своего брата, с которым они разлучился несколько очень долгих лет назад на переправе через пограничную реку Буг...

Так закончилась реальная одиссея, а лучше сказать, менниплея реального человека по имени Саломон Перель, юность которого пришлась на годы фашизма и второй мировой войны. В последних кадрах фильма он предстает перед нами седьмым пожилым человеком, живущим на своей новой родине — в Израиле. Он говорит о том, что все приключившееся с ним заставило его еще глубже осознать духовную близость, духовное родство со своим народом и поэтому он решил никогда больше с этим народом не расставаться.

Парадоксальная история Саломона Переля — это живое, зримое воплощение абсурдности эпохи нацизма. Но сам герой, сам человек — вовсе не абсурден. Вынужденно меняя национальность, «оболочки тела, походки, паспорта и плаща» (Константин Симонов), он преследовал вполне человеческую, вполне понятную цель — сохранить свою жизнь в ад и кошмаре исторических событий XX века. Тем более что сам он никого не убил, не отнял жизнь ни у одного живого существа.

Агнешке Холланд почти не приходилось обобщать — она снимала полностью реальную историю жизни, которая сама, во всем ее живом объеме, представляет собой отражение исторического времени — как в виде документальной конкретики, так и в виде символического, образного обобщения. И может быть, именно эта история в будущем лучше всего объяснит людям странную, аналогичную диалектику ужасной эпохи, которая, будем надеяться, навсегда осталась в прошлом.

Д.

АНТИФАШИСТСКАЯ ХРОНИКА

Антифашистская конференция

19 января сего года состоялась ежегодная конференция «Россия на рубеже: национал-экстремистский фактор. Итоги 1999 года», проводимая общественным фондом «Антифашист». В центре внимания участников были результаты декабрьских выборов в Госдуму.

Местом проведения конференции оказалось здание Московской городской думы, заседание носило форму круглого стола. За этим самым столом собрались представители разных общественных организаций, которые работают в области прав человека и антифашизма, а также эксперты соответствующих органов исполнительной власти и журналисты. Постоянными участниками таких конференций стали активисты АМД, сотрудники информационно-экспертного центра «Панорама», антифашистского журнала «Диагноз», газет «Человечность» и «Тум-балалайка».

На этот раз больше всего говорилось об РНЕ. Попытка «Русского национального единства» принять участие в думских выборах в составе специально выдуманного для данной цели «камуфляжного» объединения «Спас» вызвала сильнейшее беспокойство не только в рядах антифашистов-правозащитников, но и у государственных комитетов, созданных специально для борьбы с экстремизмом. С докладом «Исполнительная власть в противодействии организованному национал-экстремизму» выступил заместитель руководителя департамента по делам общественных и религиозных объединений Министерства юстиции РФ И. А. Рождественская. Суть ее долгого и занудного сообщения, наполненного цитатами из параграфов УК, состояла в том, чтобы объяснить собравшимся антифашистам-общественникам, почему Минюст отказал «Спасу» в предвыборной регистрации. После выступления Рождественская была буквально атакована вопросами и репликами: несмотря на, казалось бы, играющее на руку антифашистам решение властей, Минюст укоряли в формальном подходе к РНЕ. Высказывалось также пожелание принять поскорее закон о запрещении фашистской и националистической идеологии и уголовном преследовании за ее пропаганду. Минюст обвиняли и в том, что он не счел эмблему РНЕ свастикой. Бюрократический идиотизм в данном случае состоит в том, что все вопросы, связанные с символикой и эмблемами, выносятся сначала на обсуждение Геральдической комиссии. А там уже долгое время спорят о нацистском подтексте эмблемы РНЕ, однако единодушного решения пока нет и, возможно, никогда не будет. Поэтому и Минюст не может наложить свое вето на свастику РНЕ, несмотря на то что с 1945 года в России запрещено публично использовать нацистскую символику.

Хорошей иллюстрацией к вопросу о взаимоотношениях РНЕ с властями разных уровней оказалось выступление научного сотрудника центра «Панорама» В. А. Лихачева «РНЕ и другие национал-экстремистские организации в 1999 году». В частности, он рассказал о кухне нашумевшей на всю страну истории «героической борьбы» московского мэра Лужкова с национал-экстремистами из РНЕ: формальным поводом для запрещения деятельности РНЕ в Москве послужило несоответствие офиса требованиям пожарной безопасности.

Кстати, принимаемые местными властями запретительные меры против РНЕ (пусть и по сузу формальным поводам, как в случае московского отделения этой организации) не так уж редки, и это, на мой взгляд, симптоматично. Дело в том, что в начале 1999 года государство в лице президента Б. Ельцина объявило кампанию по борьбе с экстремизмом и национал-экстремизмом в том числе. Поэтому разыгрывать эту карту стало даже в какой-то мере модно и политически выгодно. Губернаторы достают ее именно тогда, когда надо подавить фронтовые настроения в городских собраниях, и наоборот: городские собрания упрекают неугодного им губернатора в попустительстве распространению национал-экстремизма на подведомственной ему территории, причем то, в какой степени представители местной власти сами являются коричневыми, или красными, или красно-коричневыми, никак не связано с их конъюнктурной политикой по отношению к РНЕ. На это указал, например, сопредседатель Антифашистского конгресса юга России А. Козлов.

Доклады из регионов обычно производят на меня гораздо большее впечатление, нежели кабинетные умствования стольких теоретиков, благодаря своей конструктивности и насыщенности фактическим материалом. Как всегда ярким запоминающимся было выступление независимой журналистки из Владимира Н. Новожиловой об особенностях предвыборной парламентской кампании национал-экстремистов в Владимирском регионе. Она проанализировала феномен того, как за короткий срок можно набрать огромный политический вес, если умело развернуть предвыборную рекламу агитацию, поигрывая при этом национальной идеей.

Некий пафос внес своим кратким, но по обыкновению выразительным выступлением бесменный лидер АМД П. Казначеев. В отличие от большинства докладчиков, он подчеркнул, что на сегодняшний день реальная угроза национал-экстремизма исходит не столько от РНЕ и подобных организаций

которые открыто называют себя националистическими, сколько от самого государства, ведущего двусмысленную политику. С одной стороны, сказал П. Казначеев, объявляется борьба с национал-экстремизмом на законодательном уровне, с другой стороны, посредством введения проверки документов на улицах и нагнетания антитеррористической истерии в массовое сознание методично внедряется идея неприятия инородцев, иноверцев и прочих «ино-». Империалистско-националистический характер российского государства со всей очевидностью проявился во время войны в Сербии весной 1999 года, а нынешняя чеченская кампания может стать прологом к политической диктатуре. Поэтому актуальной задачей антифашистов является разоблачение националистической сущности российской государственной власти, подытожил докладчик.

Напоследок мне хотелось бы остановиться на некоторых характерных для современного российского антифашистского движения тенденциях, как они мне видятся по итогам московской однодневной конференции.

Представлены на конференции были прежде всего и в основном антифашисты и антифашистские организации, придерживающиеся либеральных демократических взглядов, — именно это и задавало тон в выступлениях и дискуссии участников. При этом методы и направления антифашистской работы у каждого могут быть свои, будь то издательская, журналистская деятельность, которой российские антифашисты отдают предпочтение, или экспертно-аналитическая, исследовательская, или какая-нибудь еще. Однако это всегда деятельность в рамках закона, по закону, через закон, поэтому она

всегда обретает ту или иную форму сотрудничества с государственными органами: не случайно поэтому в конференции ежегодно принимают участие государственные чиновники — эксперты различных комиссий по связям с общественностью.

Не случайно и то, что местом проведения конференции было здание Московской городской думы и что довольно мало и очень осторожно говорилось о националистической угрозе, исходящей от самого государства. И уж особенно символично то, что в фойе зала, в котором шло заседание антифашистской конференции, выставлялись картины художника А. И. Рекуненко, посвятившего себя, как сказано в выставочном проспекте, «мистериальному искусству», а именно: иконописные лица в духе Ильи Глазунова или Константина Васильева с погружением в оккультизм, «кровь и почву» и тому подобное. На идейное сходство такого рода искусства с некоторыми тенденциями в «чистом искусстве» Третьего рейха указал один из участников конференции, историк В. И. Илюшенко, — и добавил, что в изобразительном искусстве сегодняшней России, которое пользуется поддержкой властей, подобные мистериально-религиозные темы, нередко смешанные с национальной идеей (иконописные славянские лики), особенно популярны.

Наконец, в качестве пожелания организаторам будущих конференций хотелось бы добавить: побольше бы представителей из регионов, поменьше официальных занудно-теоретических высокомерно-экспертных докладов и больше времени на дискуссию.

Язык ненависти и прессы

М. С. Владимирова

9 февраля нынешнего года в Санкт-Петербургском Доме журналиста прошел семинар «Выступления в духе ненависти и СМИ», организованный Советом Европы, Союзом журналистов России и Санкт-Петербургским союзом журналистов при участии Европейской Комиссии. В работе семинара приняли участие редактор журнала «Журналист» Тим Гопсил (Великобритания), заместитель председателя Судебной палаты по информационным спорам при Президенте Виктор Монахов, секретарь Союза журналистов России Михаил Федотов, председатель «Гражданского контроля» Борис Пустынцев и его заместитель Юрий Вдовин, политологи Михаил Краснов и Виктор Крамник, а также журналисты из Петербурга и области, Карелии, Псковской, Новгородской, Вологодской и Ярославской областей.

Строго говоря, угроза фашизма и борьба с ним не были официально объявленной темой семинара, но его участники уделили ее обсуждению достаточно большое внимание. Поначалу много времени было потеряно в попытках разобраться в том, почему не работают законодательные запреты на нацистскую пропаганду и на разжигание ненависти вообще. Однако к концу дня выступавшие все чаще приходили к выводу, что единственным барьером на пути тоталитарной пропаганды в средствах массовой информации является саморегуляция журналистского сообщества, которое само должно выработать для себя правила игры. Отправной точкой при разработке таких правил, по мнению Тима Гопсила, должен стать тезис, что журналисты не могут помешать распространению в обществе расизма и ксенофобии, но не должны поощрять такие настроения — например, журналист ни в коем случае не должен упоминать о расовой или национальной принадлежности того или иного лица, если это не относится к существу описываемого им дела. В самом деле, отечественные журналисты, в криминальных репортажах считающие необходимым отметить, что то или иное преступление было совершено «лицами кавказской национальности», тем самым играют постыдную роль в мобилизации массовой поддержки очередной «антитеррористической операции» на Кавказе.

Разумеется, несут свою долю ответственности за чеченскую войну и редакторы газет, помещающих на своих страницах объявления типа «Сдам квартиру только славянам».

Еще две темы волновали практически всех участников семинара: судьба Андрея Бабицкого и донос на программу «Куклы», опубликованный 8 февраля в «Санкт-Петербургских ведомостях» и подписанный ректором Петербургского Государственного университета Л. А. Вербицкой, деканом юрфака Н. М. Кропачевым и профессором того же факультета Ю. К. Толстым. Надо сказать, репутация Людмилы Алексеевны Вербицкой в глазах петербургских журналистов теперь сильно подмочена: мало кто из них сможет простить ей призыв бороться со « злоупотреблениями свободой слова» путем уголовного преследования работников СМИ за «ошельмование» исполняющего обязанности гаранта Конституции. Впрочем, сам господин Путин прогиб, кажется, оценил не на словах, а на деле: недаром Л. А. Вербицкая была вскорости назначена доверенным лицом кандидата в президенты, а в высоких московских сферах не смолкают разговоры о грядущей смене самого главного начальника российского образования...

Мое личное благоприятное впечатление от семинара, как кажется, определяется тем, что мне довелось воочию наблюдать коллектив единомышленников, спаянный профессиональной солидарностью и действительно обладающий способностью к саморегуляции. Участники семинара подвергли уничтожающей критике не только Александра Невзорова и Сергея Чернядьева (питерского тележурналиста, проводившего в своей программе телефонные опросы зрителей об отношении к возможным погромам и этническим чисткам в Петербурге), но и известинца Максима Соколова — автора одиозного термина «чеченолюбы». К сожалению, сегодня в России снова необходимо отстаивать свободу слова. К счастью, сегодня есть кому ее защищать.

В. Игнатьев

Заметка об одной выставке

Закупая новогодние подарки в Гостином дворе, я неожиданно оказался на выставке плаката с заносчивым названием «Новые русские передвижники». С известным движением художников-шестидесятников XIX века авторов «новых русских плакатов» объединяет лишь идея «двигать» свою выставку с одного места на другое, бесплатно показывая произведения на актуальные темы. Таким образом они и очутились на просторной лестничной площадке Гостиного двора — всяк погляди и задумайся. Милые улыбчивые девушки уговаривали каждого праздношатающегося осмотреть плакаты и даже обсудить их достоинства и недостатки. Правда, в отличие от художников-индивидуалистов прошлого, просветительская выставка наших передвижников (недаром новых!) не обошлась без спонсора. Санкт-Петербургское отделение блока «Единство» (он же «Медведь») поддержало художников деньгами, а те поддержали «Медведя» идеями и образами. Не меньше половины плакатов изображали этого самого медведя или образно раскрывали его политическое кредо: «В единстве — сила!» По большей части то были всевозможные комбинации из слова «единство!» и улыбающегося либо пылающего медведя. Все же один неординарный плакат приводил мое внимание — простой, черно-белый, небольшого размера, вроде бы и неприметный. Но... плакат изображал пучок прутьев: связанные вместе, их не согнуть и не сломать, — а рядом поломанные остатки прутков-одиночек, индивидуалистов. Фашина?

Самая настоящая!

Милые организаторы выставки, робея, уверяли меня, что автор плаката, 16-летняя талантливая девочка, вовсе не имела в виду фашину, вообще даже ничего не знала ни об итальянском фашизме, ни о его символике. Просто создала плакат на тему «В единстве — сила», проиллюстрировала, можно сказать, этот лозунг.

Что ж, в это легко поверить. И девочка-художница со своим артистическим чутьем права: каков лозунг, таков и плакат. В единстве, говорите, сила — а в каком единстве, не в русском ли? Не только Шойгу и компания, а и Баркашов должен был бы порадоваться такому плакату.

?

Шестидесятники (недаром новых!) не обошлись без спонсора. Санкт-Петербургское отделение блока «Единство» (он же «Медведь») поддержало художников деньгами, а те поддержали «Медведя» идеями и образами. Не меньше половины плакатов изображали этого самого медведя или образно раскрывали его политическое кредо: «В единстве — сила!» По большей части то были всевозможные комбинации из слова «единство!» и улыбающегося либо пылающего

Совсем смущенные моими историческими параллелями девушки с выставки принялись объяснять, что художники рисовали лишь свое видение ситуации, а каждый посетитель может в плакате увидеть то, чего и не имелось в виду: «Вот, например, один пожилой человек назвал этот плакат антисемитским», — и они подвели меня к громадной афише под лозунгом «Зачистые выборы!». И что же? На пронзительно-желтом фоне красовалась громадная метла, перевязанная вместо шнурка или обычной проволоки российским триколором. В самом низу в углу валялся в комичной позе сметенный могучим взмахом метлы крошечный человечек — действительно, выраженная еврейской внешности! Возможно, автор плаката подразумевал лишь одного конкретного еврея — Б. Березовского, имелось определенное сходство. Но в стране, насквозь проеденной антисемитизмом, такое объяснение не снимает проблемы. Мне же еще меньше, чем образ сметенного «чистой метлой» еврея, понравилась сама метла — символ, как известно, опричнины, первого из бесчисленных органов российского государственного террора, символ, можно сказать, первого КГБ. Да и разница невелика: фашина ли, метла ли — и предмет похожий, и история все повторяется и повторяется.

Художники улавливают общественные настроения, частично не думая о них и не пытаясь понять. Что ж, нельзя их винить, а может быть, надо даже быть благодарными за вносимую ясность: есть ли что-нибудь яснее русской метлы или итальянской пучка прутьев? Хотите единства и чистоты — получайте. Делают художников — изображать, а вот всех нас — выбирать и думать при этом, а не только реагировать.

А так на выставке плаката было много интересных и ярких произведений. Предметом особой гордости организаторов был плакат — лауреат конкурса в Венеции, на котором изображалась головка мака, надетая на черный страшный крючок, — горестный символ наркотической зависимости.

Были и другие выразительные работы — о Петербурге, новых русских, о государстве. Особенно мне запомнился один на черном фоне фотография Ельцина — сильного, боевого Ельцина периода сражений и побед 1991 года. Под фоном черно-красная ленточка, как на похоронах, и подпись: «Гроб 1994».

С. Святомиколаев

Книжкино ревю

Hoch die kampf dem. 20 Jahre Plakate autonomer bewegungen.

Hamburg: Verlag Libertaere Assoziation, 1999.

Книга «Hoch die kampf dem» — «Все на борьбу с... Двадцать лет плаката автономных движений», — вышедшая в прошлом году в Гамбурге, больше всего похожа на шикарное художественное издание: необычный формат, матовая бумага, масса иллюстраций. Однако ее страницы пестрят красными звездами, черными флагами, поднятыми кулаками и прочими политическими символами. В этом нет противоречия: она рассказывает об истории политического плаката в Германии за последние двадцать лет.

Концепция книги заключается в том, чтобы представить различные общественные движения через их плакаты. Политический плакат до конца 1960-х годов оставался прежде всего средством предвыборной агитации партий и государственно-деловых организаций. Лишь расцвел так называемых новых

общественных движений привел к тому, что стенды, стены домов, трансформаторные будки и прочие вертикальные поверхности заполнились плакатами, призывающими к боякам, демонстрациям, блокадам и пр. За прошедшие десять лет сформировалась новая культура политического плаката. Заметим, что данная книга отражает новейшую историю именно левых политических движений, в том числе леворадикальных.

Статьи, авторы которых — политические активисты, посвящены антифашистскому и женскому движению, антиимпериалистам, антирасистам, экологическим движениям, а также RAF. Кроме того, ряд статей рассказывает о

плакате с точки зрения дизайна и использования определенных символических рядов (например, образа свободы или ребенка). Действительно, для понимания смысла многих плакатов необходимо знание как конкретных событий и их контекста, так и распространенных в среде автономов символов.

Далеко не все представленные плакаты (многие из них подготовлены непрофессионалами) хороши в эстетическом отношении: одни кажутся наивными, другие — аляповатыми или отталкивающими. Авторы подчеркивают, что «красота» не является основным критерием качества политических плакатов. Они орудия политического действия, и задача авторов — сделать их эффективными с точки зрения мобилизации сторонников движения. Плакаты являются средством коммуникации между авторами и потенциальными участниками действий, они привлекают внимание общества к определенной проблеме или вызывают неприятие у противников и посторонних. Таким образом, плакат является не только отражением левой политики, но и ее самостоятельным элементом.

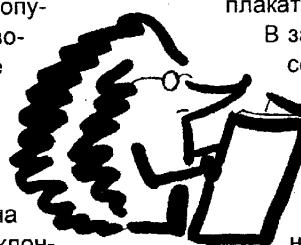
Авторы статьи об антифашистском плакате в связи с этим критически рассматривают символы, столь популярные у антифашистов: «Некоторые символы фатальным образом передают скорее ненужные добродетели, такие как дисциплина, сила или порядок, чем левые идеи» (с. 146). Это касается прежде всего изображений сжатого кулака и знамени, распространность которых во многом обусловлена преобладанием «уличного» антифашизма, склонного не к рефлексии, а к преследованию понятного физического врага. Они спекулируют на традиционном представлении о левой политике, «но, собственно, какая антифашистская работа представлена сжатым кулаком и знаменем?» (там же). История этих символов весьма сомнительна, и авторы призывают критически и аккуратно обращаться с образами, имеющими неоднозначное политическое содержание (какой нацист не исповедует культа силы?). Эффективность политического плаката не сводится к узнаваемости; кроме того, требовать некоторого умственного усилия со стороны зрителя

означает признавать за ним и уважать в нем эту способность. Критическое отношение к политической символике является необходимым элементом критического отношения к собственной политике.

Многие плакаты призывают к участию в конкретных политических акциях. Однако левые плакаты на стенах являются самостоятельной политической акцией, в которой производится присвоение публичного пространства, присвоение непредусмотренное и «ненормальное» — то есть они являются «левыми» и в этом смысле. «У вас есть власть, у нас есть ночь»: и за ночь город становится другим, с бельмом нежелательных плакатов на глазу, — недаром редакторы посвятили эту книгу неизвестным расклейщикам плакатов.

В заключение подчеркну, что данная книга представляет собой не просто собрание плакатов, но попытку рефлексии собственного развития, политической деятельности и спорных вопросов самоидентификации: плакат не просто представляет политическую позицию и действие, но является их элементом. В то же время книгу «Все на борьбу с...» действительно приятно и интересно смотреть и читать, — не говоря уже о собрании плакатов на прилагающемся компакт-диске. Система поиска позволяет сделать подборку на интересующую тему примерно из 3000 плакатов, далеко не все из которых представлены на 240 страницах книги. Единственным достойным упоминания «недостатком» этого издания является то, что речь идет о Германии, а не о России. Нам же пока остается только мечтать о подобной культуре плаката и уровне развития политической среды.

Ира Гофман

Урок эсперанто № 3

И. Ильф, Е. Петров «Золотой теленок» (отрывок из главы 1)

Pordo поспешно растворилась, kai на пороге ее показался nova посетитель.

— Kiu здесь главный? — спросил li, тяжело дыша kai рыская блудливыми глазами по комнате.

— Ну, mi, — сказал председатель.

— Здоров, председатель, — гаркнул новоприбывший, протягивая лопатообразную ладонь. — Будем знакомы. Filo лейтенанта Шмидта.

— Kiu? — спросил urbestro, тараща okuloj.

— Filo великого, незабвенного heroo лейтенанта Шмидта, — повторил пришелец.

— А вот же kamarado сидит — filo лейтенанта Шмидта, Николай Шмидт, — kai председатель en полном расстройстве указал на первого посетителя, vizago которого внезапно приобрело сонное выражение.

En vivo двухfriponoj наступило щекотливое мгновение. En tanoj скромного kai доверчивого председателя исполкома en любой momento мог блеснуть длинный неприятный меч Немезиды. Sorto давала пигодну секунду времени для создания спасительной kombino. En okuloj второго filo лейтенанта Шмидта отразился ужас.

Комментарий к уроку

Буквы, незнакомые еще читателю (в скобках — произношение посредством русских звуков): U, u (у), G, g (дж), Z, z (з).

Слова: pordo (пордо) — дверь, nova (нова) — новый (-ая, -ое), kiu (киу) — кто, okulo(j) (окуло(й)) — глаз(а), vizago (визаджо — лицо, vivo (виво) — жизнь, fripono(j) (фрипоно(й)) — жулик(и), mapo(j) (мано(й)) — рука(-и), momento (момэнто) — момент, sorto (сорт) — судьба, nigr (нур) — только, kombino (комбино) — комбинация.

Словообразование. Суффикс -estro — означает «начальник, глава»: urbo — город, urbestro — глава города, мэр. При присоединении к суффиксу окончания существительного «-о» образуется самостоятельное слово «estro» — начальник, глава, босс.

Школа перевода

Kiu ne riskas — tiu ne gajnas. Кто не рискует, тот не выигрывает.

Al la buso de oni neniu povas ordoni. На чужой роток не накинешь платок.

Sia estas pli kara ol najbara. Своя рубашка ближе к телу. Bato de petrino ne longe doloras. Родная мать хоть высоко замахивается, да не больно бьет.

ПЕРЕПИСКА

Хотя это письмо и было адресовано не «Тум-балалайке», а нашим киевским друзьям, его открытый характер позволяет нам его опубликовать.

«Привет, меня зовут Донателло, мне 9,5 лет. Учусь я в одной украинской школе. На переменах мне нельзя беситься, бегать, забегать на 3-й и 4-й этажи, нельзя играть в «кепсы». Меня заставляют ходить в школьной форме, которая не нравится всем мальчикам, и только в дни, когда физкультура, можно надевать спортивную форму, и то не всегда. Когда я захожу в школу не в школьной форме, меня задерживают дежурная и директор и ругают. Но я не могу ничего им ответить. Если я опаздываю или что-то забыл, учительница на меня кричит или говорит такие вещи при всем классе, что я краснею от стыда. Она дала мне кличку «умник», но защитить себя я не могу, а только думаю про нее плохое.

Все это мне не очень мешало. Но где-то неделю тому назад учительница пригрозила, что выгонит меня из школы за мои длинные волосы, которые еле доставали до плеч. Когда я пожаловался родителям, они приняли решение меня подстричь, чтобы этого не случилось. И сегодня они меня подстригли... Я очень этого не хотел, потому что очень долго их выращивал. Я хотел, чтобы у меня они выросли как у моего брата. Но этого не случилось. Меня очень некрасиво подстригли, под монаха какого-то.

Теперь я ничем не отличаюсь от своих одноклассников. Но летом я снова собираюсь отращивать волосы; брат говорит мне, чтобы я не сдавался. Может, хоть в 5-м классе мне разрешат делать прическу, какую я хочу.

Когда меня стригли, я еле сдержался, чтобы не расплакаться...»

Из Конвенции о правах ребенка

Статья 12. Государства-участники обеспечивают ребенку... право свободно выражать *<свои>* взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка.

Статья 16. Ни один ребенок не может быть объектом незаконного посягательства на его честь и репутацию.

Статья 31. Государства-участники признают право ребенка на отдых и досуг, право участвовать в играх и развлекательных мероприятиях, соответствующих его возрасту.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

С большим опозданием прочитали мы первый и, судя по всему, последний номер московского журнала «Спектр. Вестник антифашистского движения» (1998 год). Журнал этот, по-видимому, совершено не распространялся, а возможно, даже скрывался от потенциальных читателей. Причина тому — очевидный каждому низкий уровень публикаций. Делая обзор антифашистской прессы в «Тум-балалайке» №12, мы не упомянули журнал «Спектр», так как тогда еще не знали о его существовании. К сожалению, автор и редактор этого журнала упомянул в своем издании нашу газету, причем самым клеветническим образом: «Ко злорадному удовольствию отечественных националистов сообщаю, что деньги на газету в виде гранта предоставил американский Национальный фонд в поддержку демократии (NED), за что им, конечно, спасибо». Считаем необходимым опровергнуть эти измышления господина Быкова, поскольку газета «Тум-балалайка» никогда не получала никаких денег из вышеназванного фонда и, более того, издается без поддержки каких-либо иностранных фондов или грантов.

В помещении общества «Мемориал»

работает

антифашистская библиотека.

В фондах библиотеки хранятся книги по проблемам фашизма, нацизма, тоталитаризма, правозащитная литература.

Имеется уникальная коллекция антифашистских периодических изданий, выходящих в России, Великобритании, Германии, Франции, Швеции, Норвегии, Дании.

Читатели могут воспользоваться алфавитной и систематической картотекой статей и книжных изданий по данной тематике, составленной на основе материалов Российской Национальной библиотеки и содержащей информацию по фондам многих библиотек России.

Библиотека открыта в понедельник и среду с 11 до 17 часов, в четверг с 14 до 20 часов.

Справки по телефону 314-23-68 (добавочный 3).
Адрес: Разъездная ул., д. 9 (вход со двора).

Печатный орган антифашистской комиссии
Санкт-Петербургского общества «Мемориал»
191002, Санкт-Петербург, Разъездная ул., 9

Отпечатано при поддержке общественной организации
«Гражданский контроль» 191186, Санкт-Петербург,
Малая Конюшенная ул., 5

Адрес редакции: 189620, Санкт-Петербург, Пушкин-1, а/я 8,
Бжовой Е. Т.
<http://igel.da.ru>
Тираж 500 экз.

Любые перепечатки приветствуются.

Просим по возможности ссылаться на источник.